

Поэты-радищевцы и декабристская поэзия

Здесь же Бестужев-Марлинский

Р. Г. Назиров

Поэты-декабристы

Вильгельм Карлович Кюхельбекер (1797 – 1846)

Он родился в СПб, в обрусевший немецкой семье (дворяне, но незнатного происхождения). Учился в Царскосельском лицее, где дружил с Пушкиным и Дельвигом.

Кюхельбекер был «предметом постоянных и неотступных насмешек целого лица за своих странности, неловкости и часто уморительную оригинальность» («Модест Корф»). Он был высок, худ и сильно близорук. Насмешку вызывали и его стихи, ориентированные на архаические образцы (высокий штиль классицизма). Лицей создал ряд эпиграмм на Кюхельбекера, которого сокращённо называл Кюхель; две из этих эпиграмм написал Пушкин. Первое опубликованное в печати стихотворение Пушкина адресован Кюхельбекеру: «К другу стихотворцы» (1814).

Страшись бесславия. Что, если Аполлон,
Увидя, что и ты полез на Геликон,
С сомненьем покачав кудрявой головою,
Твой гений наградит спасительной лозою?

Но ещё обиднее концовка пушкинских «Пирующих студентов»:

... Писатель за свои стихи!
Ты с виду всех трезвее,
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне закрыть скорее!

Лицейская хроника отмечает частые ссоры и обиды Кюхельбекера на Пушкина, даже вызов Кюхельбекером Пушкина на дуэль (не состоялась, хотя в мемуарах Греча и есть анекдот об этой дуэли и о пистолетах, заряженных клюквой). Кажется, после «Пирующих студентов» Кюхель пытался утопиться в пруду. В лазарете его навещил Пушкин, просил простить, они обнялись.

Пушкин любил Кюхельбекера за его золотое сердце. Кюхельб. считал Пушкина гениальным поэтом. Ранний Кюхельб. — поклонник Жуковского и представитель «германического направления» в поэзии.

Прощаясь с Лицеём в 1817, Пушкин посвятил Кюхельбекеру стихотворение «Разлука», в котором обязался быть верным «святому братству».

Во время южной ссылки Пушкин критически отзывался о ряде произведений Кюхельбекера, но ценит его эрудицию и независимость суждений, называя его «живым лексиконом и вдохновенным комментарием».

После выхода из Лицея Кюхельб. недолгое время служил в Коллегии иностр. дел, преподавал русский язык и латынь в Благородном пансионе. В 1820 уехал за границу секретарём Нарышкина, в том же году имел неск-ко встреч с Гёте. В 1821 в Париже прочёл цикл публичных лекций по русской литературе, но получил от русского посольства приказ прекратить лекции и немедленно вернуться в Россию.

К 1822 относится «Пророчество» Кюхельбекера. С начала 20-х годов Кюхельб. примкнул к группе, боровшейся против карамзинизма. Сам себя называл «романтиком в классицизме». Эта позиция особенно сближает его с Катениным и Грибоедовым: неоклассицизм Кюхельб. избирает высокие жанры (трагедия, поэма, сага, ода). Их гражданский пафос противостоял камерной лирике карамзинистов. В поэмах и лирике Кюхельбекера различными средствами создаётся образ поэта-патриота, к-рый борется против самовластия. Поэт — это «пророк свободы», возвращающий «глагол Господень», но отвергаемый людьми (позже тема Лермонтова).

Потомство вспомнит их бессмертную обиду
И призовет на прах их Немезиду.

(«Участь поэтов»).

Новаторская тираноборческая трагедия Кюхельбекера «Аргивяне» (1822–1825) не окончена, до XX в. не публиковалась.

В 1822 Кюхельбекер выехал на Кавказ, служил чиновником особых поручений при наместнике Ермолова, здесь сблизился с Грибоедовым. Но пылкий Кюхельб. имел неосторожность вызвать на дуэль одного подлеца — племянника Ермолова. Тот побежал жаловаться дядюшке. Ермолов сказал ему, что надо стреляться. Однако после дуэли (безвредной) Кюхельбекеру пришлось оставить эту службу.

В 1824 им написана «Смерть Байрона». В 1824/25 в Москве Кюхельбекер выпустил в Москве вместе с князем В. Ф. Одоевским четыре книги альманаха «Мнемозина», имевшие большой успех у читателей. Альманах отражал философские и эстетические взгляды декабристов и кружка «любомудров», лидером которого был Одоевский.

Во второй книге альманаха (1824) опубликована программная статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Она заострена против карамзинизма: Кюхельбекер — сторонник русской старины: «сбросить поносные цепи немецкие»¹.

¹Культ Германии и Жуковского сменился у него культом Державина; вместо изнеженной и бесцветной элегии он предлагает возродить «высокую» оду.

В июне 1825 эффе́кта пере́ехал в СПб, работал в журнале Греча «Сын отечества». Осенью введён Рылеевым в «Северное общество» декабристов. 14 декабря находился на Сенатской площади, стрелял из пистолета в Великого Князя Михаила Павловича (осечка). Затем попытался, переодетый, бежать за границу, но в Варшаве был опознан (по разосланным всюду приметам) и арестован. Его привезли в СПб. Кюхельбекер был приговорён к смертной казни; кажется, за него вступился Михаил Павлович. Николай I смертную казнь Кюхельбекеру заменил заключением в крепости. Потом ему дали 20 лет каторги, а в 1835 смягчили наказание — выслали на поселение в Баргузин (Восточная Сибирь).

Сначала Кюхельб. просидел 18 м-цев в Петропавловке и Шлиссельбурге, я в нач. октября 1827 был переведён в крепость Динабург. 12 октября 1827 на почтовой станции Залазы, возле Боровичей, Пушкин скучал в ожидании лошадей и читал забытый кем-то «Geisterseher» Шиллера; вдруг на станцию въехала фельдъегерская тройка. Пушкин вышел на крыльцо посмотреть и увидел, что из возка вылезает худой бородатый мужчина в очках и кандалах. Он обернулся и крикнул: «Пушкин!» И П-н узнал Кюхельб. Друзья «кинулись друг другу в объятия», но жандармы их растащили. 10 июля 1828 Кюхельб. писал Пушкину из Динабурга: «Свидание с тобой, Пушкин, век не забуду».

В 1830 П-н содействовал публикации статьи Кюх. «Мысли о Макбете» в «Лит. газете» барона Дельвига.

В 1832 Кюхельб. писал: «Я люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина, но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражатели. . . Мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя. . . за приверженца школы так называемых очистителей языка, — а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменем Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шахматова».

Пушкин и Кюхельбекер занимали противоположные лит-рные позиции. Тем не менее, Пушкин содействовал публикации мистери К-бекер «Ижорский» и книги «Русский Декамерон» (обе 1836, без имени автора). Весной 1836 Пушкин послал Кюхельбекеру 1-й том своего «Современника» и пригласил его сотрудничать в журнале: с 1835 Кюхельб. был уже ссыльнопоселенцем в Баргузине. Он прислал из Сибири в «Соврем.» поэму и статью, но III отделение не дало согласие на их публикацию.

Язык поэзии Кюхельб. до 1825 имел торжественный одический характер, часто близкий к ораторской речи; тяготел к архаическому славянскому колориту.

В годы заточения и ссылки Кюхельбекер не изменил прежним идеалам, но в его стихах усиливаются мотивы одиночества и обречённости. Передовые бойцы гибнут первыми, и чем благороднее идеалы, тем скорее их носитель падает жертвой коварства и предательства («шиллеровская» трагедия Кюхельбекера «Прокофий Ляпунов», 1834).

Особняком в творчестве Кюхельбекера стоит стихотворная повесть «Сирота» (1833): редкая для него житейская тематика. Повесть посвящена Пушкину и, возможно, навеяна «Домиком в Коломне».

В Сибири Кюхельбекером овладел мистицизм: это сказалось в романе «Последняя Колонна» (1839–1843) и в романтической драме-мистерии «Ижорский» (три части, 1827–1841, первые две части к-рой опубликовал Пушкин.

Особое значение имеют сказки Кюхельбекера: попытка освоения русского фольклора, не слишком удачная.

В ссылке Кюхельбекер женился, завёл детей. В 1844 он был переведён в Западную Сибирь. В 1846 больной чахоткой и ослепший он получил разрешение переехать в Западную Сибирь, где вскоре умер. Евгений Баратынский сказал, что Кюхельб. был создан «для любви к славе и для несчастья».

Большой интерес представляет дневник Кюхельбекера, в к-ром «законсервирована лит-рная атмосфера 20-х годов» (Ю. Тынянов).

Несмотря на привычную иронию русской критики, творч-во Кюхельбекера отнюдь не была бесплодно. Кое-что из «попыток» Кюх-кер вошло в литературу. Так, он первый употребил в трагедии белый пятистопный ямб, которым затем был написан «Борис Годунов» Пушкина. И всё же лит-рная деятельность Кюхельбекера имела главным обр. теоретическое значение.

Русский немец-славянофил, очень искренний и вдумчивый. Поэзия ума и гражданского пафоса, без юмора и страсти. Тяжёлый стих, искусственный словарь. Он был каторжник русской поэзии.

Жизнь и творчество в Бестужева-Марлинского (1797 – 1837)

Его братья.

Компиляция со своими комментариями.

Александр Александрович Бестужев (литературный псевдоним Марлинский) (1797–1837 гг.) — русский писатель, декабрист, кавалерийский офицер. 14 декабря 1825 г. вывел на Сенатскую площадь Московский полк. Вместе с К. Ф. Рылеевым издавал альманах «Полярная звезда». Был сослан рядовым на Кавказ, где погиб в стычке с горцами. В стихах и особенно песнях Марлинского, пользовавшихся широкой известностью, звучат патриотические мотивы. Кавказские повести и военные рассказы Марлинского («Аммалат Бек», 1832, «Мулла-Нур, 1830–1836 и др.) содержат много красочных этнографических подробностей, однако они отличаются вычурностью языка, ложноромантическим пафосом.

Происхождение, детство и юность Александра Бестужева

Александр Александрович Бестужев род. в СПб, в знатной, но обедневшей дворянской семье. Его отец А. Ф. Бестужев служил в Академии художеств, был выдающимся радикальным писателем и журналистом, просвещённым и гуманным педагогом; издавал вместе с Пниным «Санкт-Петербургский журнал». Семья была любящая и дружная, детство мальчика шло счастливо.

На десятом году А. А. Бестужев был отдан в Горный кадетский корпус. Учился он хорошо, но математику ненавидел. Его старший брат Николай, морской офицер, был назначен в крейсерство с гардемаринами и на вакации взял к себе на фрегат брата Александра. Мальчик был в упоении от моря, облёкся в матросскую куртку, изучал морское мастерство. У брата замирало сердце, когда Александр из молодечества бежал, не держась, по рее, или спускался вниз головой по одной верёвке с самого верха мачты, или в крепкий ветер летел по морю на шлюпке, держа такие паруса, что бортом черпал воду. Александр решил поступить в гардемарины, вышел из Горного корпуса и стал готовиться к экзамену. Но увы! Оказалось, что для морской службы требуется не только умение свободно бегать по реям, но и знание той же ненавистной математики. . .

Саша Бестужев поступил юнкером в лейб-гвардии драгунский полк. В 1817 он был произведён в офицеры. Полк стоял в Петергофе, Бестужев жил в одном из петергофских домов — **Марли** (отсюда впоследствии его псевдоним).

Молодой лейб-драгун зажил весёлой жизнью гвардейского офицера, танцевал на балах, без счёта увлекал женские сердца, имел несколько дуэлей из-за пустяков; выдержав выстрел противника, сам он стрелял в воздух. Стихи блестящего гвардейского офицера, его успех в петербургском свете, его многочисленные романы принесли ему раннюю славу.

Литература и политика

В литературе Александр Бестужев-Марлинский дебютировал в 1818 году переводами. Его «Подражание первой сатире Буало» было в 1819 запрещено цензурой. Первое крупное прозаическое произведение Марлинского — «**Поездка в Ревель**» (1821) — написано под влиянием Карамзина. Рассеянная светская жизнь не мешала ему много и серьёзно читать по самым разнообразным отраслям знания — по истории, философии, статистике, химии, механике.

На службе он продвигался очень успешно, был назначен адъютантом к главноуправляющему путями сообщения Бетанкуру, потом к его преемнику герцогу Виртембергскому. На литературном поприще Бестужев-Марлинский тоже быстро завоевал признание как критик и беллетрист. Ему очень везло, он казался вечном баловнем фортуны и впоследствии вспоминал:

Меня с родимого порога
Сманила жизнь на пышный пир
И как безгранная дорога,
Передо мной открылся мир.
И случай, преклоняя темя,
Держал мне золотое стремя,
И, гордо бросив повод,
Я поскакал — туда, туда!

Прямо-таки гётевское «dahin, dahin!» За 1819–1822 годы наш герой напечатал массу критических разборов, рецензий, фельетонов. Пушкин назвал его «представителем вкуса и верным стражем и покровителем нашей словесности». Марлинский был ярким врагом классицизма и высоко держал романтическое знамя с яркой политической окраской.

С юности он избрал своим девизом: «Преследовать человеческую низость тем упорнее, чем выше она поставлена светом».

Вместе с Фёдором Глинкой Бестужев-Марлинский был одним из руководителей Вольного общества любителей российской словесности (с конца 1820 года). А в 1822 году Бестужев знакомится с Кондратием Рылеевым.

Именно при посредстве Рылеева он вступил в тайное общество: это было романтично, это было в духе эпохи (этеристы, карбонарии, всякие заговоры — а мы, русские, чем хуже?). Всё Бестужеву удавалось, всё в жизни он брал играя. Может быть, и в общество декабристов он вступил полуиграя (январь 1824 года).

Совместно с Рылеевым Бестужев-Марлинский пишет агитационные песенки против правительства и издаёт знаменитый альманах «Полярная звезда» (3 книги в 1823–1825 годах), где публикует свои повести «Замок Нейгаузен», «Роман в семи письмах» и др., а также свои известные обзоры русской литературы, сыгравшие серьезную роль в борьбе с классицизмом и утверждении романтизма.

«Полярная звезда» имела крупный успех. А критические обзоры Марлинского вызвали большой шум и споры; в них он резко нападал на защитников старых литературных традиций и требовал для поэтического творчества полной, ничем не стесняемой свободы.

Романтизм Марлинского явился литературным выражением идеологии дворянских революционеров. В его исторических повестях «Роман и Ольга», «Изменник», «Замок Эйзен», «Ревельский турнир» мы видим у Марлинского критику феодальных отношений, сочувствие вольному Новгороду, пламенный патриотизм и другие высокие чувства. Марлинский раннего периода стремился научиться у Вальтер Скотта мастерству «домашних» (бытовых) картин исторической жизни. **Историзм** Вальтер Скотта не интересовал Марлинского: изучение истории Марлинский заменял воображением, субъективными переживаниями автора. Главное влияние на его творчество оказали Байрон и Виктор Гюго.

Центральный мотив ранней прозы Марлинского — апология гордой личности, противопоставляющей себя обществу: «Ночь на корабле» (1823), «Изменник» (1825). Этот герой воспринимался читателями как alter ego самого автора; слава Марлинского росла года от года, и как всякая большая литературная слава она соединилась с прославлением автора как личности.

Уже в ранних произведениях проявились особенности манеры Марлинского: орнаментальность и вычурность («марлинизм»), которые вначале имели огромный успех, а позже стали предметом ожесточенных нападок¹.

¹Здесь в рукопись на отдельных листах вставлены главки «Марлинизм» и «Дополнения о Бестужеве-Марлинском (Греч)».

Марлинизм

В Якутске Александр Бестужев наслаждался чтением Байрона и Мура. Были месяцы, когда он «ничего кроме Байрона в руки не брал». Оставив в стороне медленно слагавшуюся поэму «Андрей Переяславский», он хотел попробовать себя в лёгком роде — в таком, как писан байроновский «Дон-Жуан». Не знаю, как-то удаётся», — отговаривался он, приступая к работе; но, видимо, не сладил с нею. Но байронизм Бестужева расцвел в его прозе.

На Кавказе, среди дикой и величавой природы, перед лицом смерти, под тяжестью солдатской амуниции, едва сдерживая негодование на произвол и преследование невежественного начальника, Бестужев строил пышные воздушные замки.

В переполненных звучными и цветистыми монологами и душевными изделиями, бурными страстями и порывами, в наряде непонятной, избранной натуры, возмущённой «позором светской черни», или в живописном костюме горца, лихого наездника, даже разбойника — в кавказских повестях Марлинского пленяла современников приближённая к ним, обрусевшая копия с байроновских неудачников ранней, популярной у нас манеры, прозаическая переработка «Кавказского пленника» и «Алеко».

Сознавая в себя великие силы, к-рым суждено погибнуть, не дождавшись рассвета, преувеличивая природные задатки, пределы дарования, закал характера, он сам смотрит на нас из-под масок Амалат-Беков и Мулла-Нуров, его голос слышится среди вулканических извержений их шумной риторики или в полных разочарования и презрения речах светских неудачников.

Ал. Бестужев неистощим в любовных увлечениях и грёзах, искренне чувствителен. Для памятного несчастной Ольге Нестеровой в Дербенте он избирает французское стихотворение, проникнутое грустью и нежностью:

Un soir elle tomba, rose effeuillee aux vents.
O, terre de la mort, ne pese pas sur elle;
Elle a si peu pese sur celle des vivants. . .

В то же время он был храбр, он искал опасностей; не чужд был и жажды внешнего успеха, но в глубине души хранил предания общечеловеческой мысли и творчества. Его герой Вадимов восклицает: «Гомер, Дант, Мильтон, Шекспир, Байрон, Гёте! яркое созвездие, венчающее человечеству! Великаны, которым не верит свет! Чувствую, что мои думы могли бы быть ровесниками вашими».

Своей сложной натурой ближе многих подходя к байроническому типу, Бестужев не смог прочто воплотить его, как ни манила его роль вождя, побуждая то к широкому замыслу поэмы «Человѣчество» (где Оно должно было «выступить во всех своих возрастах, во всех кризисах»), то к полному байроническим размышлений «Журналу Вадимова». «Но в героях его повестей всё же впервые проглянул образ протестующего русского отщепенца, готового идти на вѣрную смерть, лишь бы избавиться от постылой судьбы, — тот образ, ко-

торый в жизни всего яснее сказывался тогда среди декабристов, из милости переведённых для выслуги на Кавказ», — говорит Алексей Веселовский.

Он считает героев Марлинского «звеном между неуверенными пушкинскими опытами вроде «Пленника» и широкой разработкой лермонтовского байронизма, обставленного опять **кавказской** декорацией».

«Герои Марлинского дали много оттисков и слепков в гостиных, в полку, на Кавказе». Но сами герои Марлинского — это «костюмированные байроновские копии».

«Багряные облака, точно огненные думы, теснятся вокруг чела твоего, неприступный утёс Св. Елены. . . Экватор опирается на твои рамена, сизые волны океана, как столетия, расошибаются о твои стопы, и сердце твоё — гроб Наполеона, заклеимённый таинственным иероглифом рока!» (Бестужев-Марлинский).

Дополнения о Бестужеве-Марлинском (Греч)

Его отец, Александр Федосеевич, умерший рано, был члч умный, издал две книги о воспитании военного юношества. Мать была женщина простого звания. Александр Бестужев учился в Горном Кадетском корпусе, на военной службе — адъютант главноуправляющего Путиями Сообщения, Генерала Бетанкура, а потом поступившего в ту же должность герцога Александра Виртембургского, брата императрицы Марии Фёдоровны. Бестужев влюбился в прелестную дочь Бетанкура, успел снискать и её благоволение, но отец не соглашался на брак его. «Бестужев впал в уныние и искал развлечений при скучной и безотрадной должности адъютанта — докладывать о приходящих и отказывать докучливым» (Греч, Записки о моей жизни, стр. 474).

Знакомство с Рылеевым. Успешный литературный дебют. Греч прозвал стилистические украшения Марлинского «Бестужевскими каплями» (так называлось лекарственное средство, изобретённое в 1725 году графом Бестужевым-Рюминым).

14 декабря 1825 писатель действовал в Московском палку, но не он, а капитан князь Щещин-Ростовский ранил неск-ких члч из начальников, пытавшихся удержать солдат. Потом отправился он на площадь впереди батальона, размахивая саблей и крича: «Ура Константин! Долой Николая! Извести картофельницу!» (т. е. Александру Фёдоровну). Народ думал, что не офицеры ведут солдат, а солдаты их гонят. Одна дома, увидев его на Исакиевской площади в окно впереди толпы, открыла форточку и закричала: «Александр Александрович! ступайте сюда. Здесь у вас не тронут!» Он был главным действующим лицом на площади и, когда мятежники были рассеяны, успел скрыться.

15 декабря вечером он явился на гауптвахту Зимнего дворца и сказал дежурному по караульням полковнику: «Я Александр Бестужев. Узнав, что меня ищут, явился сам». Увидев брата Греча, бывшего в карауле, он сделал вид, будто его не знает.

— Вяжите его! — приказал солдатам один унтер-офицер.

— Не троньте его, — возразил Василий Алексеевич Перовский, только что назначенный в флигель-адъютанты, — он не взят, а сам явился.

И Перовский повёл его к государю. Поведение Бестужева произвело впечатление на Николая I. «Государь, довольный его откровенностью и правдивостью, обещал ему прощение и сдержал своё слово, но по-своему. Его не отсылали на так называемую каторгу, но отправили на жительство в русский Сорренто — Якутск, а оттуда перевели в кавказский корпус солдатом. Бестужев нёс службу безропотно и усердно, получил чин унтер-офицера, георгиевский крест, был произведен в прапорщики и погиб в деле с горцами в лесу. Тело его не было найдено. Повышению его по службе и смягчению его судьбы повредила одна история. Он имел любовницу, унтер-офицерскую дочь. Она застрелилась у него в квартире. Обстоятельства этого самоубийства были неясны. Подозревали и обвиняли в умерщвлении её ревность Бестужева. Дело это известно богу. (Греч, стр. 477).

Ольга Нестерова покончила с собой 26 февраля 1832 года, в комнате Бестужева. История этого самоубийства (по архивным делам дербентской полиции) описана в статье «А. А. Бестужев (Марлинский). По воспоминаниям Я. И. Костенецкого» («Русская старина»), 1900, ноябрь, 441–457).

Греч был другом Бестужевых, особенно А. А. Б.-Марлинского. Тот писал о Грече 9 апреля 1831 из Дербента: «Он, так сказать, выносил меня под мышкой из яйца; первый ободрил меня и первый оценил. . . нравственным образом должен я им неоплатно за прежнюю дружбу и добрые советы; он прибавляет теперь к этому капиталу ещё более, великодушно вызываясь на все хлопоты. . . и отворяя двери в свой журнал. Я должник его по сердцу и по перу».

Николаю Полевому Бест.-Марлинский писал: «Греч первый ободрил меня и оценил меня; когда целый комитет цензуры решил, что я не умею написать строчки по-русски, он первый предложил мне и в несчастье быть его сотрудником. В нём много барство, но много и благородства».

Письмо от 15 марта 1832: «Гречу и всей семье его душевной привет: дай бог им счастья до пятого колена. Я люблю и уважаю их всех. Начал ли-то Николай Иванович печатать мои повести? Я лучше не мог найти издателя».

21 февраля 1834 Марлинский писал Булгарину: «Греч первый после моего потопа предложил мне сотрудничество; знаю, что в этом он мог предвидеть и свою пользу, но знаю и то, что это было благородным геройством по времени».

Греч печатал в «Сыне отечества» произведения, присланные Марлинским из ссылки. Одно из них: «Вечер на кавказских минеральных водах в 1824 году». («Сын отечества», 1830, ч. 37) — было посвящено Гречу.

Повесть «Амалет-Бек» написана в 1831 и напечатана в «Московском телеграфе» (1832, январь и февраль)¹.

Марлинский, разделяя общее всей гвардейской молодёжи оппозиционное настроение, по существу мало интересовался собственно политикой. Вскоре он убедился, что силы тайного общества ничтожны, но, как сам рассказывал, «решился тянуть с ними знакомство,

¹Окончание вставки. Далее продолжается глава «Литература и политика».

как игрушку». К делам общества он относился беззаботно, не зная о них много, что должен был знать. (Его причисляют к самым радикальным республиканцам).

Рылеев и Оболенский не раз ссорились с ним из-за того, что он шутил и делал каламбуры из важных вещей. Они называли его фанфароном и говорили, что за флигель-адъютантский аксельбант он готов отдать все конституции. Нападали и за то, что он нарочно спорил и за, и против, чтобы заставить товарищей разбиться в мнениях.

Желая развязаться с обществом, Бестужев решил оставить Петербург, выгодно жениться в Москве и уехать на два года путешествовать. Ему надоели серьёзные мины заговорщиков, педантически планирующих будущее устройство свободной России.

Но тут в Таганроге внезапно умер Александр I, и наступило известное междуцарствие.

Восстание 14 декабря 1825 года

14 декабря этот фанфарон, раздражающий товарищей своим легкомысленным отношением к целям тайного общества, оказался одним из очень немногих заговорщиков, безупречной сделавших своё дело.

Ему было поручено поднять лейб-гвардии Московский полк. Рано утром 14 декабря он поехал в казармы полка с братом Михаилом. На успех он мало рассчитывал и ожидал, что кончит жизнь на штыках солдат, но не отказался от поручения, потому что дело это почиталось нужным и очень трудным. Бестужев выступил в казармах перед солдатами. Чужой им лейб-драгунский мундир незнакомого офицера вызвал недоверие. Но Бестужев своим пламенным красноречием зажёг массу. С развевающимися знамёнами, с барабанным боем и криками «ура» москвичи двинулись вслед за ним по Гороховой улице к Сенату. Рядом с Бестужевым шёл офицер-москвич, неистовый князь Щепин-Ростовский: он только что на казарменном дворе зарубил саблей двух штаб-офицеров, пытавшихся остановить солдат. Этот ни о какой конституции не думал, а шёл просто за Константина против Николая. Он с одушевлением обратился к Бестужеву:

— Что? Ведь к чёрту конституцию?

И заговорщик Бестужев с таким же одушевлением ответил:

— Разумеется, к чёрту!

Пришли на площадь, построились в каре. Главари заговора не являлись, никто не знал, что делать. Подходили всё новые войска, верные Николаю. Бестужев понял, что дело проиграно, и мрачно слушал растерянные разговоры товарищей.

Ударила картечь. Бестужев искал смерти, картечина пробила ему шляпу. Солдаты побежали по узкой Галерной улице. Бестужев с братом Николаем остановили несколько десятков лейб-гренадеров, стараясь прикрыть отступление. На всё уже было кончено.

Бестужев-Марлинский перешёл по льду через Неву, всю ночь и всё утро скитался по городу, потом оделся в парадную форму, как на бал, и явился в Зимний дворец, чтобы его арестовали¹.

¹В момент восстания он был штабс-капитаном лейб-гвардии драгунского полка.

Он сам скомандовал конвою: «марш!» — и пошёл с ними в ногу.

Всё это: и участие в заговоре, и восстание, и отдача себя в руки Николая Павловича — разыгралось у Бестужева-Марлинского совершенно в стиле его красивой и театральной жизни.

Наказание заговорщика

Бестужев-Марлинский был обвинён в том, что «умышлял на царубийство и истребление императорской фамилии». Его приговорили к смертной казни, которую заменили затем двадцатью годами каторги. Однако он каторгу не отбывал. Всё время следствия и суда он сидел в одной из финляндских крепостей, пока не настал 1827 год: в этом году его отправили на поселение в Якутск.

Там он прожил около двух лет. В 1829 году, во время войны с Турцией, Бестужев подал прошение перевести его рядовым в действующую армию.

Николай Павлович положил резолюцию: «Определить рядовым в действующие полки кавказского корпуса, с тем, чтобы и за отличие не представлять к повышению, но доносить только, какое именно отличие им сделано».

На Кавказе появился рядовой Александр Бестужев.

Когда он направлялся из якутской ссылки рядовым в назначенный ему полк, Пушкин возвращался из армии Паскевича. Оба они одновременно (или почти) проезжали по Военно-Грузинской дороге, и Бестужев писал по этому поводу Н. А. Полевому: «Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развёл нас на долгие, может быть, на бесконечные годы».

Действительно, они разминулись навсегда¹. Потянулась солдатская служба Бестужева. Он принимал участие в ряде боёв против турок и горцев, отличался бешеной храбростью; товарищи-солдаты присудили ему присланный в батальон георгиевский крест, но начальство этого выбора не утвердило. Однако боевые схватки были только отдельными эпизодами, жизнь проходила в основном в тяжёлой и скучной гарнизонной службе, в приступах жестокой лихорадки, схваченной Бестужевым на Кавказе, под постоянной угрозой повальных болезней, свирепствовавших среди солдат. Он писал братьям: «По сущности, бытие моё бог знает, что такое: смертью назвать грешно, а жизнью совестно».

Несмотря на отвагу, проявленную в боях, начальство притесняло бывшего декабриста. Когда он служил в гарнизоне города Дербента, батальонный командир его, настоящий бурбон, ненавидевший гвардейских молодчиков, всячески унижал рядового Бестужева и безнаказанно издевался над ним. **Приходилось терпеть — выхода не было.**

¹Пушкин и Марлинский — литературные союзники. В своём известном «Взгляде на старую и новую словесность в России» Б. писал (в 1823): «Еще в младенчестве он изумил мужеством своего слога и в первой юности дался ему клад русского языка, открылись чары поэзии». Ссылный поэт был тронут этим отзывом Марлинского и в переписке с ним первым предложил перейти на «ты».

Перо в руках солдата

В ужаснейших условиях подневольной солдатской службы Марлинский написал ряд романов и повестей, которые печатались с огромным успехом в журналах, а в 1832 году вышли вместе с прежними (до 14 декабря написанными) в одном издании: «Русские повести и рассказы» Марлинского в 8 частях. Успех был головокружительный; вся читающая Россия услышала имя Марлинского. А он в это время тянул солдатскую лямку.

Но проследим, как это произошло.

После 14 декабря новые настроения завладевают его душой. Он задумал повесть в стихах «Андрей, князь Переяславский», но написала лишь две главы её. В 1828 году первая глава появилась в печати без имени и без согласия автора. В этой повести поэт стремился переосмыслить прошлое и настоящее своё положение; в повести возникает тема **вечности** и **смерти**, характерная и для других стихов Марлинского.

Из его творчества исчезают мотивы социального протеста, звучавшие в «Замке Венден» (1833) и «Ревельском турнире» (1825).

В 1830 году Марлинский вновь получает возможность печататься: его повесть «Испытание» публикуется **без подписи** в журнале Греча «Сын отечества». Впрочем, аноним был легко узнан: русские читатели хорошо помнили его романтические ужасы, очаровательных красавиц, бесстрашных героев, их **«адские муки»** и **«райское блаженство»**, текущую в их жилах «огненную лаву» и т. п.

За «Испытанием» публикуются и другие произведения, вернувшие русской читающей публике её любимца.

В 1831 выходит «Лейтенант Белозор», в 1832 — «Латник». Это **батальные повести**. К 1831 относится историческая повесть «Наезды». Марлинский создаёт целую серию **светских повестей**, начиная с «Испытания»; самая знаменитая в этом цикле вещь — это «Фрегат Надежда» (1833). В светских повестях возникает тема одиночества мыслящего интеллигент-энтузиаста в фальшивом и бездушном свете. Благородные и таинственные герои Марлинского говорят необычайно расцвеченным и возвышенным языком: «У меня буйная кровь, у меня кровь — жидкий пламень; она бичует змеями моё воображение, она палит молниями ум». («Фрегат Надежда»).

Марлинский увлекается кавказской экзотикой, патриотизмом и вольнолюбием горцев, к-рые не знают пороков цивилизованного общества. В своих кавказских повестях он рисует экзотические образы людей, наделённых бурными страстями и исключительной храбростью. В повести «Аммалат-Бек» (1832) изображена драматическая судьба молодого горца, возненавидевшего русских. В повести «Мулла-Нур» (1836) выведен благородный разбойник, покровитель бедняков.

В то же время Марлинский создаёт ряд очерков, точно воспроизводящих быт, написанных простым и выразительным языком: «Будочник-оратор» (1834), «Кавказская стена» (1834).

В поздней лирике Марлинского отразилась личная судьба обречённого на гибель декабриста, одиночество и разочарование, тоска «по родине и воле».

Произведения Марлинского, насыщенные романтическими легендами, яркими подробностями быта, кавказской экзотикой, описаниями благородных рыцарей и мрачных злодеев, светских балов, битв с горцами etc., имели у современников огромную популярность. По словам Белинского, «в нём думали видеть Пушкина прозы». С жаром читая Виктора Гюго, Марлинский был близок ему в своей приподнятой манере рассказа, в языке, изобилующем цветистыми метафорами, гиперболами, игрою каламбуров и перифразов.

Вычурные сравнения, выпренный лиризм, масса восклицаний. «Белый конь мчится, как оседланный вихрь». Влюблённые у Марлинского «бросали своё сердце, как Клеопатра драгоценную жемчужину, — в укус страсти».

Достоинствам его был умение завязать и умело запутать интригу. **«Характеры мот — дела частное»**, — признавал он сам. Зато драматизма и динамики в его повестях был избыток. Они переводились на английский, немецкий, французский, датский, шведский, польский, чешский и грузинский языки. . . . Изредка рядовому Бестужеву удавалось вырваться в отпуск в Тифлис. Современники, встречавшие его там, описывают плотного брюнета высокого роста, с небольшими, сверкающими карими глазами. Он отличался благородством души, был несколько тщеславен. В обыкновенном светском разговоре он ослеплял беглым огнём острот и каламбуров, при обсуждении же серьёзных вопросов путался в софизмах, обладая умом более блестящими, чем основательным.

Он был красив и нравился женщинам. В Тифлисе у него разыгрался целый ряд романов, о коих он так писал брату: «И походы в ночь по стенам, по окнам, в опасности сломить себе шею, или быть убитым, или прибить кого-нибудь; всегда рука на ручке кинжала и ухо на часах. . . И переодевание её, и прогулки, и визиты ко мне. . . И удачные забавные обманы аргусов. Я всегда был так счастлив с женщинами, что не понимаю, чем я это заслужил».

Много романов было у него и в Дербенте, и в других местах, где он стоял. Однажды зимою, в бурю, он поехал морем в дрянной лодчонке, чтобы увидеться с возлюбленной, и носился по волнам полтора суток, едва избежав гибели. Он оставался похож на своих героев, а женщины любят романтиков.

Венгеров правильно отмечает, что была одна существенная разница между Марлинским и д-ми тогдашними певцами пламенных страстей, поднимающих дух опасности и нечеловеческих мук: те (как Бенедиктов или Кукольник) в жизни были смиренными обывателями и надевали «гарольдовы плащи» лишь тогда, когда усаживались за письменный стол; Бестужев и в жизни был таким, как его герои. **Он оправдывал свои невероятные повести собственной биографией.**

Марлинский — это блестящий пример одного малоизученного (или **не** изученного) феномена психологии творчества, а именно **обратного влияния творчества писателя на его личность.**

Кавказский период творчества Марлинского — это время расцвета его таланта. Повести его раскупались нарасхват и имели больший успех, чем произведения Пушкина.

1834 год приносит перемены в его судьбе.

Отвоевание утраченных прав

Летом 1834 года да он был переведён рядовым во 2-й гренадерский линейный батальон в Ахалцых, а затем в Тенгинский полк. Отсюда он писал: «До сих пор я учился воевать, а теперь научился и разбойничать». Сидячая гарнизонная жизнь сменилась для него непрерывными походами и стоянками на бивуаках. Бестужев бы рад этому. В схватках с горцами он всегда был впереди, опьянялся опасностью и свистом пуль. Но лишения приходилось переносить невероятные: холод и зной, сырость такая, что неделями на теле не просыхала одежда; в землянках вода стояла по колено, и сапоги на ногах плесневели; месяцами питались гнилой солониной. Бестужева измеряли приступы его лихорадки; здоровье быстро таяло. Со своей обычной образностью он писал: «Меня так высушила лихорадка, что меня можно вставить в фонарь вместо стекла».

Только в конце 1835 года за заряд отличий в боях знаменитого писателя произвели в унтер-офицеры. Ему уже 37 лет. Он переведён в крепость Зеленжик на Чёрном море, где чуть не умирает от лихорадки. В июне 1836 года пришло наконец долгожданное производство в офицеры: Бестужев — прапорщик.

Он перестал быть бесправным солдатом, над ним уже не мог измываться первый встречный офицер. Но его лихорадка и боевая жизнь продолжались. Бестужев мечтал о выходе в отставку, о переходе на гражданскую службу и спокойной литературной работе. «Кому было бы хуже, если бы мне было немного лучше?» — спрашивал он в письме к брату.

В нём принял участие граф Воронцов и, видя, как гибелен для Бестужева кавказский климат, просил императора о переводе писателя на статскую службу в Крым. Император отказал.

Оренбургский генерал-губернатор В. А. Перовский, тоже романтик и рыцарь по натуре своей, ходатайствовал о переводе Бестужева в Оренбург, указывая на ту пользу, которую он мог бы принести описанием края и быта кочевников. Ответ императора гласил: «Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее».

Ad patres!

По сути дела, Николай Павлович находился под обаянием прижизненно возникшей легенды о Бестужева-Марлинском как человеке исключительных возможностей. Он считал его намного более опасным, чем Бестужев был на самом деле. Это доказывает, что император читал его повести и, может быть, против воли восхищался им.

NB! Если это так, то Бестужев — в некотором роде жертва собственного дарования. Но надобно узнать, как оценивал его творчество Николай Павлович.

Финал

Александр Бестужев находился в Тифлисе, когда была получена весть о смерти Пушкина.

Он писал своему брату Павлу: «В монастыре св. Давида, на могиле Александра Грибоедова слушал я панихиду, которую просил служить в память Александра Пушкина. . . и Александра Грибоедова. . . когда священник возгласил за убиенных бояр Александра и Александра, я заплакала, зарыдал; мне казалось, что отец духовный уже поминает и меня».

В эти дни он дал себе клятву: по возвращении к общей гражданской жизни вызвать Дантеса на дуэль и убить его. Бестужев был превосходный стрелок, но этой клятве не суждено было осуществиться.

Он только что выздоровел в то время после долгой и опасной болезни. Ночью его неожиданно арестовали и посадили в Метехский замок, а на другой день отправили на телеге в Дербент. Его обвинили в том, что, проживая в Тифлисе для лечения болезней, он подстрекал офицеров не становиться в караул. Вместе с ним выслали из Тифлиса и его младшего брата Петра.

В тот же день выслали из Тифлиса в разные места и других декабристов, проживавших в столице края.

В мае 1837 года прапорщик Бестужев, незадолго до того представленный к Анне на шпагу «за храбрость», был прикомандирован к Грузинскому гренадерскому полку, который отправлялся в трудную и опасную экспедицию к мысу Адлер. Предчувствие, возникшее на горе святого Давида, настолько проследовало Бестужева, что он по дороге на пароходе составил завещание.

Грузинский полк высадился у мыса Адлер. Русские шлюпки подплыли к берегу под градом черкесских пуль, стрелки выпрыгнули, выбили черкесов из прибрежных окопов, загнали в лес и врассыпную устремились следом за ними в чащу. Бестужев шёл в передовой цепи.

Тупоголовый командир, невзирая на то, что сзади не было резервов, гнал отряд всё вперёд и вперёд. Цепи расстроились, солдаты в одиночку продирались сквозь колючие заросли. Вдруг со всех сторон посыпались черкесские пули. Горнист протрубил сигнал строится в каре и упал мёртвый. Отряд отступал. Бестужев стоял на маленькой полянке, в изнеможении прислонившись к дереву; из груди его лилась кровь. Два солдата схватили его под руки и повели. Он еле шёл, с упавшей на грудь головой, и тихо стонал. Из чащи выскочили черкесы. Солдаты бросили раненого и побежали. И видели только, как над Бестужевым засверкали пашки. Это было 7 июня 1837 года (19 июня по нов. ст.).

Когда русские вернулись на это место, труп Бестужева не нашли. Это дало повод к вздорной легенде: помешанные на его повестях барышни долго потом утверждали, что раненого Марлинского черкесы увели с собой в горы и он стал их вождем под именем Шамяля!!!

Просто-напросто черкесы изрубили его; вероятно, отсекли голову, сняли мундир. . .

Декабрист В. Н. Штейнгель писал брату погибшего, Михаилу Бестужеву, находившемуся на каторге: «Александра — для нас, Марлинского — для русских не стало. Горько, Михайло!»

Надо признать, что этот кровавый финал был совершенно в духе его таинственных и мрачных повестей.

Значение творчества Марлинского

Ни у одного русского писателя той эпохи не было такой массы подражателей, которые своими крайностями превратили в карикатуру и самого Марлинского. «Марлинизм» стал дурным поветрием безвкусного, шаблонного романтизма. Но это поветрие и слава «великого писателя» продолжались недолго.

В 1840 году Виссарион Белинский подверг его прозу уничтожающей критике за риторику, внешние эффекты, причудливые метафоры, «сверхчеловеческие» страсти героев, фразёрство и т. п.

Белинский подчеркнул «бесхарактерность характеров», которых «сам сочинитель. . . угадывал бы разве только по платью». Он сурово критиковал «внешний талант» Марлинского: «поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти».

В то же время неистовый Виссарион довольно высоко оценил историческую заслугу Марлинского — одного из зачинателей русской критики, которому «литература наша многим обязана».

Проза Марлинского оказала значительное влияние на творчество Н. Ф. Павлова, Н. А. Полевого, В. Ф. Одоевского. Может быть, всего значительнее роль Марлинского в становлении Лермонтова.

Ещё мальчиком Лермонтов вычитал из поэмы — вернее, повести Марлинского — «Андрей, князь Переяславский» одну строчку:

Белеет парус одинокий. . .

И с неё начал своё изумительное стихотворение «Парус».

Юношеский роман «Вадим», драмы Лермонтова, картины Кавказа, светские образы в «Княгини Лиговской» хранят следы влияния Марлинского.

Уже у автора «Фрегата **Надежды**» мы находим типично лермонтовский образ мятежного одиночки, презирающего обывательскую среду и живущего напряжённой внутренней жизнью. Однако Лермонтов полностью преодолел наивный мелодраматизм образов Марлинского, их односторонность, их искусственно приподнятый язык.

В наше время почти забыта интересная историко-литературная проблема «Марлинский — Гоголь». Ранние повести Гоголя хранят сильный отпечаток марлинизма, особенно «Страшная месть», «Вий», отчасти «Тарас Бульба» (образы панночки и Андрия).

Марлинский создал популярную форму эффектной романтической повести, надолго сохранившую своё значение для жанровой традиции.

Некоторого влияния Марлинского не избежал даже Гончаров в повести «Счастливая ошибка». Даже в «Хозяйке» Достоевского Белинский усмотрел смесь Марлинского с Гофманом.

Ныне Марлинского никто не читает, и это вполне справедливо. Но мы теперь прекрасно понимаем, почему его хвалил Пушкин, сам абсолютно чуждый марлинизма.

Этот неистовый и мелодраматический романтизм был нужен скучной и бледной от страха эпохе. Он **противостоял** морозной дисциплине Николая I. Марлинский по самому стилю своему был врагом «умеренности и аккуратности». В этом смысле он гораздо важнее Павлова с его «Ятаганом», столь возмущившим Николая I.

Мы стоим на почерневшем от времени стене цитадели Нарым-Кала. Отсюда Дербент как на ладони. В этом месте отроги Кавказских гор ближе всего подходят к Каспийскому морю, оставляя вдоль берега узкий (всего лишь 3 километра) проход. Некогда это был единственный удобный путь из Восточной Европы в Переднюю Азию. Поэтому Дербентский проход («Каспийские ворота» у греко-римских географов) был местом ожесточённых битв.

От цитадели почти параллельно тянутся вниз к морю широкие каменные стены, сложенные много столетий назад. Между этими стенами и был расположен древний Дербент. Его много раз разрушали пришлые воители, но он снова вырастал из руин. Само слово «Дербент» — персидское: **дар** — ворота, **бант** — затвор, преграда.

С цитадели хорошо видны голубой купол Джума-мечети, мавзолеев дербентских ханов. . . Здесь бывали Марко Поло и Афанасий Никитин.

Пётр Великий вошёл в Дербент без единого выстрела. 27 июля 1722 года он высадился на Аграханский косе и сразу отправил в Дербент гонца с манифестом. В нём говорилось, что царь идёт не с войной, а чтобы оградить город от разбойников, наказать тех, кто ограбил русские караваны. Манифест Петра читали на улицах города. Гонец привёз царю ответное письмо из Дербента, одобрявшее его манифест. Жители устроили царю торжественную встречу.

Русские войска расположились в крепости, выставили караулы. Строжайше запрещалось обижать местных жителей. Пётр осмотрел город, побывал в цитадели и какое-то время жил во дворце. По его указу начали строить земляные укрепления; он самолично следил за работами, жил тут же в землянке, специально для него вырытой. . .

Несколько произведений написал в Дербенте Александр Бестужев-Марлинский. Сохранился дом, в котором он жил. Там намечается открыть музей.

По узким улочкам Дербента бродил Александр Дюма-отец. Он упоминает о городе в своей книге «Кавказ от Прометея до Шамиля». Дима близко к сердцу принял историю Бестужева-Марлинского и его невесты Ольги Нестеровой. На могильном памятнике Ольги автор «Трёх мушкетёров» собственноручно высек на французском языке какие-то стихи, вроде «Ей было 18 лет, она была прекрасна. . .»

Оставил записи о Дербенте и знаменитый хирург Пирогов, служивший одно время на Кавказе.

Древний город окружён зелеными виноградниками. На рынках звучит азербайджанская, лезгинская, еврейская и русская речь. Город давно славился коврами и крепкими винами.

Не так далеко от Дербента плотность стеной стоят Самурские леса: лианы оплетают огромные дубы, под сенью грабов, платанов, ясеней, клёнов поблескивают холодные родники.

Здесь, на земле Дагестана, в старом Дербенте, жил Александр Бестужев-Марлинский. Здесь умерла его возлюбленная. Его могилы нет на земле, нет нигде. Он исчез из мира, как призрак.

Пыль библиотек покрыла его книги, но осталась легенда.

Некоторые детали из воспоминаний Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола.

М. И. Муравьёв-Апостол, Бестужев-Марлинский, лейтенант Арбузов и трое др-х декабристов в 1826 году отправлены были из Петропавловской крепости в Форт-Славу, крепостницу, устроенную на острове Финского залива по мысли фельдмаршала Суворова. Тут им пришлось претерпеть немало горя; комендант, соблюдая свой интерес, кормил их протухлой солониной, к-рую он скупал по дешёвке у капитанов торговых кораблей. Когда дул западный ветер, узникам приходилось пить воду с примесью морской соли, отчего впоследствии Матвей Иванович и Арбузов захворали солитёром.

Неожиданный приезд финляндского генерал-губернатора Закревского в их крепостницу был для них радостным событием. Он привёз Матвею Ивановичу известия от родных и чемодан с платьем, бельём и книгами. Ласковое его обращение с узниками так поразило старого бурбона-коменданта, что он стал смотреть на них др-ми глазами, и хотя они не помянули даже о дурной пище, они с тех пор избавились от ненавистой солонины.

Муравьёв-Апостол: «1-го октября 1827 года я выехал из Форт-Славы. Меня привезли в Шлиссельбургскую крепость; на другой день из каземата отвели на гауптвахту, где уже был Ал. Бестужев (Марлинский). Солдаты возились с кандалами, которые, мы предполагали, были приготовлены для нас, но вскоре показался комендант, объявивший нам обоим высочайшую милость, по которым избавляемся от работ и поступим прямо на поселение в Сибири. На Тихвинской станции ждал нас Корсаков (масон), находившийся на службе при министре кн. Александре Ник. Голицыне и которого я встречал иногда в доме графини Чернышёвой. Он упросил меня принять в виде ссуды 600 руб. на путевые издержки. Живое соболезнование его о постигшей нас участи глубоко тронуло меня, я чувствовала, что отказом я бы его оскорбил, к тому же ни я, ни спутник мой Бестужев не имели с собою вовсе денег».

«Фельдъегерь вёз нас через Ярославль, Вятку, Пермь и Екатеринбург». В Тобольске он сдал обоих декабристов губернатору, известному писателю Д. Н. Бантыш-Каменскому. Это был давнишний знакомый Муравьёва-Апостола: он был правителем канцелярии князя

Репнина, при к-ром Мур.-Ап. четыре года состоял адъютантом. «Он обошёлся со мной так же дружески, как и в былое время. . . »

«Погостивши в Тобольске около трёх недель, пустились мы далее к востоку в сопровождении уже не фельдъегеря, а квартального из местной полиции. В Красноярске представились губернатору, известному автору романа «Семейство Холмских», у которого встретили весьма благосклонный приём!»

NB «При его впечатлительности и страстной натуре, Ал. Бестужев одарён был любящим сердцем, с редкой уживчивостью».

«В конце ноября мы прибыли в Иркутск поздно вечером и остановились у крыльца губернаторского дома, где нас объяло звуками бального оркестра. Мы тут долго ожидали распоряжения начальника губернии, наконец, выскочил на крыльцо какой-то вспотевший от танцев чиновник и приказал вести нас в острог».

«На другой день подоспели к нам двое Бестужевых, Николай и Михаил, Ив. Дм. Якушкин, Антон Петрович Арбузов и Ал. Ив. Тютчев».

Пожаловал к нам губернатор и после краткого приветствия извинился перед Александром Бестужевым и мной, что нас по ошибке заключили в острог, на том основании, что мы избавлены от работ, и хотя мы просили его не разлучать нас с товарищами, он, ссылаясь на какой-то закон, приказал поместить нас на квартиру. Горько показалось нам неуместное смягчении участи нашей»¹.

Николай Бестужев

Николай Бестужев перевёл прозой «Паразину» Байрона: этот перевод вышел в Трудах Вольного Общества Любителей Российской Словесности, 1822, часть 71.

Рассказ Греча о Николае Бестужеве

14 декабря он вывел на площадь Гвардейский экипаж. В нём было неск-ко матросов, служивших под командой Бестужева на походе в Средиземном море. «Ребята! знаете ли вы меня? Пойдёмте же!» И они пошли. «Я видел, как экипаж, мимо конногвардейских казарм, шёл бегом на площадь. Впереди бежали в расстёгнутых сюртуках офицеры и что-то кричали, размахивая саблями. (Греч, 480).

После подавления восстания Н. Б. уехал на извозчичьих санях в Кронштадт, переночевал у одной знакомой старушки, на др. день сбрил себе бакенбарда, подстриг волосы, подрисовал лицо, оделся матросом и пошёл на Толбухин маяк (на западной оконечности Котлина острова). Там предъявил он командующему унтер-офицеру предписание вице-адмирала Спафарьева о принятии такого-то матроса в команду на маяк. Унтер-офицер заставил его чистить картофель.

¹Здесь в рукопись на отдельных листах вставлена главка «Николай Бестужев».

Полиция, не находя Бестужева в СПб, стала искать в Кронштадте. Этому поручили одному полицейскому офицеру, к-рый лично знал Н. Б-ва и отправился на Толбухин маяк в рассуждении, что Бестужев будет пытаться перебраться за границу. Офицер прискакал туда, вошёл в казарму и перекликал всех людей. «Вот этот явился сегодня», сказал унтер-офицер. Полицейский посмотрел на Бестужева и увидел самое дурацкое лицо в мире. Нет, не он. Когда офицер вышел из казармы, сопровождавший его денщик (бывший прежде денщиком у Н. Б-ва) сказал ему:

— Ведь новый-то матрос господин Бестужев: я узнал его по следам золотого кольца, которое он всегда носит на мизинце.

Полицейский воротился, подошёл к мнимому матросу и слегка ударил его по плечу:

— Перестаньте притворяться, Николай Александрович, я вас узнал.

— Узнали? Так поедem.

Военный губернатор отправил его в СПб под арестом в санях на тройке. Когда приостановились перед гаупвахтою при выезде, он сказал случившимся там офицерам:

— Прощайте, братцы! Еду в Петербург: там ждут меня двадцать пуль.

Дорогою по заливу, поравнявшись с полыньёй, он хотел было выскочить из саней, чтобы броситься в воду, но был удержан. В Петербурге привезли его к морскому министру фон-Моллеру, к-рый, как все дураки, ненавидел в Бестужеве умного человека; он велел ему скрутить на спине руки и отправить днём по Английской набережной и по Адмиралтейскому бульвару в Зимний дворец. Один из адъютантов накинул на него шинель. Во дворце развязали ему руки и привели к императору.

— Вы бледны, вы дрожите, — сказал государь.

— Ваше величество, я двое суток не спал и ничего не ел.

— Дайте ему обедать! — сказал государь.

Б-ва провели в маленькую комнату Эрмитажа (где помещался государь по случаю перedelки комнат Зимнего), посадили на диване за стол и подали обед.

— Я не пью красного вина, — сказал он официанту, — подайте белого.

Спокойно пообедал, приклонился к подушке дивана и крепко заснул. Пробудясь часа через два, встал:

— Теперь я готов отвечать.

«Его провели в прежнюю зову. Там поклонился он Василию Алексеевичу Перовскому, как короткому знакомому, и, увидев нового флигель-адъют. Алексея Петровича Лазарева, сказала ему:

— Ну, Алёшка! Теперь перестанешь шалить.

Его ввели в кабинет государя. Он не только отвечал смело и решительно на все вопросы, но и сам начинал говорить: изобразил государю положение России, исчислил неисполненные обещания, несбывшиеся надежды и объяснил поводы и ход замыслов. Государь выслушал его внимательно. . . » (Греч, 482 – 483).

«Обряд лишения чинов и дворянства был исполнен над флотскими офицерами в Кронштадте, на военном корабле. Их отвезли туда из петербургской крепости ночью (на 13 июля) на арестантском катере. Бестужев спокойно беседовал дорогою с командующим и караульными офицерами, не жаловался, не сетовал на судьбу.

НВ — Я заслужил смерть, — говорил он, — и ожидал её. Теперь всё время, что проживу, будет для меня барышом и подарком. Но вот кого мне жаль — этих бедных юношей (указывая на приговорённых мичманов, спавших крепким сном молодости): они дети и не знали что делали.» (483)

«В Кронштадте он взошёл по трапу на корабль, бодро и свободно, учтиво поклонился собравшийся там комиссии адмиралов и спокойно выслушал чтение приговора.

— Сорвать с него мундир! — закричал один из адмиралов, вероятно, породнившийся с Бестужевым посредством своей супруги.

Два матроса подбежали, чтобы исполнить приказание благонамеренного начальства. Бестужев взглянул на них так, что они остолбенели, снял с себя мундир, сложил его очень чиннёхонько, положил на скамью и стал на колени, по уставу, для переломления над ним шпаги». (483–484).

Потом его отвезли обратно в Петроп. Кр. для отправления в ссылку. Греч утверждает, что просил (безуспешно) свидания, чтобы проститься со своим другом. — **Врёт!** Р. Н.

«И любовь его не оставляла. одна дома прислала ему из Кронштадта свой портрет и колоду карт для препровождения времени грандпасиансом» (484).

«Через несколько лет, на танцевальном вечере у П(етра) И(вановича) Рикорда, где было несколько дам из Кронштадта, две молоденькие, хорошенькие девицы, дочери одного адмирала, посматривали на меня с большим вниманием и как бы хотели заговорить со мною, а я этого и не заметил. Им интересен был во мне друг друга их матери. . . Бестужев скоро нашёлся в ссылке, занимаясь чтением, живописью. В первые годы нарисовал он несколько акварельных портретов, в том числе и свой — очень похожий. . . » (485).

«Он скончался в 1854 году, не дождавшись своего освобождения». (485).

О «кронштадтской любви» Н. Бестужева говорится и у др-х мемуаристов: это было подобие брака¹.

«После трёхдневного пребывания в Иркутске, мы с Ал. Бестужевым отправились в сопровождении молодого казачьего урядника к месту своего назначения».

«24 декабря, накануне Рождества, наконец, добрались до областного города Якутска, где пришлось мне расстаться с дорогим спутником моим, Ал. Бестужевым, которому Якутск назначен местом заточения. Только тут узнал я, что ссылаюсь в Вилуйск.

До 6-го января пробыл я с Ал. Бестужевым, а в день Крещения сели мы верхом с урядником на почтовых лошадей и отправились в путь далее к северо-западу.

¹Окончание вставки. Далее продолжается главка «Некоторые детали из воспоминаний Матвея Ивановича Муравьёва-Апостола».

Из Якутска выехали во время крестного хода на Иордань и, проехавши с лишним 700-вёрстное расстояние, добрались до Виллойска, на берегу реки Виллюя, значительного притока реки Лены».

Итак, Бестужев-Марлинский 24 декабря 1827 года прибыл на поселении в Якутск и 6 января 1828 (в Крещение) расстался с Муравьевым-Апостолом.

Судьбы его братьев

Из пятерых братьев Бестужевых самым видным был старший, Николай Александрович (1791–1855), морской офицер, писатель и учёный, крупный деятель Северного общества, один из создателей «Полярной звезды». Он вывел 14 декабря на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж. Пытался скрыться затем на своей старой квартире в Кронштадте и был там арестован. Из Петропавловской крепости его с братом Михаилом перевели на целый год в более тяжёлое заключение — в Шлиссельбург. Приговорили к вечной каторге, сокращённой до 20 лет. Отправили в Читу, в 1830 перевели в Петровский завод. В 1839 Николай Бестужев с братом поселены в Селенгинске, где Николай и умер, мучимый известиями о поражении России в Крыму.

Второй брат был Александр Бестужев-Марлинский.

Третий брат — Михаил (1800–1870), окончил по примеру старшего морской корпус, но служил недолго и по выходе в отставку вступил в Союз благоденствия. В 1825 поступил в л.-гв. Московский полк; за дело 14 декабря заключён в одиночную камеру Петропавловской крепости, где перестукивался с братом Николаем (сидевшим в соседней камере) посредством «стенной азбуки» собственного изобретения. В 1827–1830 Михаил на каторге в Чите, в 1830 переведён в Петровск, с 1839 жил в Селенгинске, в 1867 переехал в Москву.

Четвёртый брат — Пётр (1806–1840) учился в морском корпусе, мичманом вступил в тайное общ-во. За 5 дней до восстания старшие братья удалили юношу в Кронштадт, но он потихоньку вернулся, чтобы разделить участь товарищей, и явился на Сенатскую площадь вслед за братом Михаилом. После 14 декабря сослан на Кавказ и отличился, служа под командой знаменитого ген. Раевского; но, переведённый по доносу к др-ому начальнику, был до того замучен экзерцициями, что сошёл с ума и умер после 7 лет страданий.

Пятый — Павел (1808–1846) во время восстания ещё учился в офицерском классе артилл. корпуса. Тем не менее, в 1826 он был сослан на Кавказ за чтение неподобающих книг. Служил в артиллерии, изобрёл особый прицел к пушкам, введённый во всей русской армии. «Человек любезный, весьма умный и отличный рассказчик». Женился на Екатерине Евграфовне Трегубовой и, выйдя в отставку по болезни, доживал свою жизнь в имении Гончарово (Владим. Губернии). «У него был рак в желудке, последствие жёлтой лихорадки, полученной им в Сухум-Кале, куда он был сослан после 14 декабря за фамилию свою, не был ни в чём участником, как говорил нам). «В. Шумилов, «Русская старина», 1886, сентябрь, стр. 702).

В наш век маринизм показал влияние на Паустовского.

Кондратий Фёдорович Рылеев

1795 – 1826

1. Гуковский. «Пушкин и русская романтика» Саратов, 1946.
2. Писарев. «Жизнь Рылеева», 1947 (М., Сов. пис.)
3. Мордовченко. «Рылеев» (в «Стихотворениях» Рылеева, Малая серия Библ. поэта)

М–Л, 1948

4. Серей Маслов. «Рылеев». -?
5. Базанов. «Поэты-декабристы» (Рылеев, Кюх., Одоевский) — МЛ, АН СССР, 1950
6. Цейтлин. «Творчество Рылеева», М., АН СССР, 1965
7. История русской поэзии, т. I, Л., Наука, 1968

Академич. история русск. лит., т. VI.

Рылеев — сын мелкопоместного дворянина, отставного полковника (семья жила бедно). С шести лет отдан родителями волонтером в I кадетский корпус в СПб. В 1814 Рылеев выпущен из корпуса прапорщиком в артиллерию из армией прошёл всю Европу, прожив несколько дней и в Париже. В 1816–1818 жил в Воронежской губернии, где была расквартирована его артиллерийская бригада. Здесь Рылеев женился. Вскоре вышел в отставку и переехал в СПб, с 1821 по 1824 служил в уголовной палате, а затем стал правителем канцелярии в Российско-Американской компании.

С октября 1823 — член Северного общ-ва, куда рекомендован Пуцциным; с 1824 (под влиянием Пестеля) — республиканец, с весны 1825 член Думы Сев. общества, с ноября — фактический глава общества. Руководил подготовкой к восстанию и давал распоряжения на Исакиевской (Сенатской) площади 14 декабря.

15 декабря арестован и после личного допроса у Николая I заключён в Алексеевский рavelин. Его казнили 13 (25) июля 1826 года.

Александр Иванович Одоевский (1802–1839 гг.). Русский поэт-декабрист, активный участник выступления на Сенатской площади (1825). Был приговорён к каторжным работам. После 10-летнего пребывания в Сибири был отправлен рядовым на Кавказ, где погиб. Поэзия Одоевского проникнута идеей героической борьбы за свободу («При известии о польской революции», «Колыбельная песня» и др.). Особенно известен стихотворный ответ Одоевского (1827) на пушкинское «Послание в Сибирь» (1826), содержащий строку «Из искры возгорится пламя»; эти слова послужили эпиграфом к ленинской газете «Искра».

Владимир Федосеевич Раевский (1795–1872) русский поэт, декабрист, друг Пушкина. В 1822 г. был арестован за пропаганду революционных взглядов среди солдат и после шестилетнего одиночного заключения в 1828 году поселён в Сибири, где пробыл до конца жизни, хотя был амнистирован в 1856 году. Стихи Раевского, большинство которых дошло до нас в рукописном виде, проникнуты революционными мотивами, ненавистью к произволу: «Певец в темнице», «К друзьям в Кишинёв», «Глас правды» и др.

Декабристская поэзия

Рылеев, В. Ф. Раевский, Кюхельбекер, Бестужев-Марлинский, А. Одоевский.

Эти поэты, как правило, начинали свой творческий путь, усваивая традиции Державина, Гнедича, Батюшкова. Декабристов привлекал «земной» характер их поэзии, пафос личной свободы. Но в условиях зарождения декаб. движения идеал личной свободы перерос в идеал свободы общественной. «Деревня» Пушкина — 1819 год, «Послание» Раевского «К друзьям» (1822), стихотворение Рыльева «Я не хочу любви твоей» (1824).

Требование гражданской поэзии, требование национальной самобытности и народности литературы.

Первоначально декабристы использовали готовые формы — гражданственный пафос классицизма, сатирическая ода, торжественная ода: условность античного материала, образы древнего Рима, некая архаичность языка.

Затем они создают поэзию революционного гражданского романтизма.

«Поэзия... создаёт свой условный мир, своё образцовое человечество, и каждый шаг к собственному усовершенствованию открывает ей новый горизонт идеального совершенства». (Бестужев-Марлинский). Поэтому особое значение придаётся воображению и вымыслу. Первой задачей становится создание положительных героев, «превосходящих природу земную». Декабристская поэзия становится эмоциональной, экспрессивной. И вот уж Кюхельбекер пишет:

«Дадим волю чувству, которого мы не лишены, на которого **стыдимся**, благодаря привитым нам правилам французской поэтики, сплошь составленным из приличий, жеманства и принуждения...»

Политическая трансформация жанров Батюшкова: дружеские послания стали револ. призывами, застольные песни — политическими гимнами.

Песня Языкова «Мы любим шумные пиры» (1823)

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.

Рылеев и Бестужев создают агитационные песни для народа, для солдат. Это сатиры, стилизованные под фольклор.

Поэты-декабристы воспевали национально-освободительную борьбу др-х народов (Сербия, Греция, Испания, Италия), а также освободительную борьбу в историческом прошлом русского народа. В поисках героических образов они обращались и к библейской тематике. Религиозная поэзия декабристов имела целью показать «неправедность» самодержавия, его антихристианский и безнравственный характер.

С начала 20-х годов в декабристскую поэзию проникают сетования на общественную пассивность и сомнения в исходе начатой борьбы. Уже в 1821 году Языков писал:

Столетия грозно протекут,
И не пробудится Россия.

Позднее он отрёкся от своих декаб. взглядов. Сходной была эволюция Давыдова и Вяземского. Декабристы всё яснее сознавали, что их шансы на успех очень малы. Но у самых стойких это вело не к капитуляции, а к идее героического самопожертвования.

В 1825 Рылеев пишет Рылеев пишет в «Исповеди Наливайки»:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Для дек. поэзии характерно преобладание лирич. жанров и лиро-эпической поэмы.

Наиболее последовательна осуществлена лит. программа декабристов в 25 думах Рылеева и его поэмах (пафос революционного патриотизма, проекция идеала на историч. прошлое). Жертвенная борьба героев за свободу Отчизны — основа для единства интересов личности и общества.

Декабристская поэзия незначительна, однако особое значение имели повести Бестужева-Марлинского, славящие могучего и страстного героя, противопоставленного порочному обществу.

Кондратий Фёдорович Рылеев

Он родился 18 сентября 1795 в селе Батове Софийского уезда СПб губернии, в семье подполковника Ф. А. Рылеева.

Образование получил в 1-м петербургском кадетском корпусе, где уже наметилась его склонность к словесным наукам. Ему было 17 лет, когда Наполеон перешёл через Неман. Воодушевлённый всеобщими патриотическими чувствами, юный Рылеев пишет свои первые произведения — оды «На погибель врагов» и «Любовь к жизни». Последняя ода прославляла умершего в 1812 году Кутузова.

Эти ученические стихи предвещали гражданскую тематику будущего поэта-декабриста.

В феврале 1814 года Рылеев был выпущен из корпуса прапорщиком в конную артиллерию и тотчас выехал в действующую армию. Два года с небольшим перерывом он провёл в походах по Германии, Швейцарии и Франции. В конце 1815 года, вернувшись в Россию, Рылеев со своей ротой был назначен в Острогжский уезд Воронежской губернии. Там он прослужил три года, а затем вышел в отставку и переехал в СПб.

Здесь в январе 1821 он был избран заседателем в палату уголовного суда и оставался в этой должности до весны 1824 года, служа усердно и честно, хлопча о смягчении судьбы подсудимых, особенно простых, незащищённых людей.

В Петербург он приехал в 1820 году (или в 1819?) и не был ещё известен как поэт. Это был суровый и грозный год. Именно осенью 1820 года в столице произошло восстание лейб-гвардии Семёновского полка. Оно было жестоко подавлено. В обществе царили мрак и тревога.

Внезапно в 10-й книжке незначительного петербургского журнала «Невский зритель» появилась сатира «К временщику», подписанная безвестным Рылеевым.

В ноябре 1820 года он писал своему другу М. Г. Бедрге: «Моя сатира “К временщику” уже печатается в 10-й книге “Невского зрителя”. Многие удивляются, как пропустили её».

В самом деле, цензура оказалось близорукой, ибо сатира отличалась исключительной резкостью. Стилизованная под античное послание, слегка замаскированная древнеримскими именами и историческим колоритом, сатира недвусмысленно намекала на средства, с помощью которых достиг власти всемогущий временщик Аракчеев, и на военные поселения, ненавистные народу и обществу.

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесённый в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец!

Не ограничиваясь этим неслыханно дерзким поношением графа Аракчеева, молодой поэт прямо угрожал ему:

Тиран, вострепещи! Родиться может он!
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей, Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество моё кто от тебя избавит!

Это была «бомба», как говорят журналисты XX века. «Мы с жадностью читали эти стихи и узнавали нашего русского временщика», — вспоминал впоследствии декабрист Н. И. Лорер.

Н. Бестужев писал: «Нельзя представить изумления, ужаса, даже можно сказать оцепенения, каким поражены были жители столицы при сих неслыханных звуках правды и укоризны, при сей борьбе младенца с великаном. Все думали, что кары грянут, истребят и дерзновенного поэта, и тех, которые внимали ему... Это был первый удар, нанесенный Рылеевым самовластью».

Но кары не грянули. Аракчеев растерялся. Он хотел было привлечь Рылеева к суду, но просто не посмел признать, что слова «злодей» и «подлец» принял на свой счёт. Он сделал вид, что не узнал себя в сатире. Ничего не произошло. Рылеев же сразу стала знаменитостью Петербурга.

Становление поэта

Писать он начал раннее и совершенно в ином в духе. Конечно, его ученические оды исполнены гражданских чувств, но затем господствующие поветрия русской лирики всецело им завладели.

Стихи Рыльева, написанные им в провинции или в первое время пребывания в Петербурге, — это в основном альбомные мелочи (мадригалы, песни, куплеты, триолеты, романсы) или послания в стиле лёгкой поэзии. Темы традиционны, стиль полон штампов. Все эти Делии, Аглаи, Дориды, хижина, где героев вкушал сладострастие и негу, пылкие восторги и потоки сладких слёз, все эти «подражания Тибуллу» и «подражания древним» свидетельствует прежде всего о прилежном подражании Батюшкову, его любовным и антологическим стихам. Ранний Рылеев — эпигон позднего Батюшкова.

Петербург с его насыщенной оппозиционной атмосферой подстегнул Рыльева. Он приехал сюда уже готовый к обращению в революционную веру. Ещё из воронежской глуши он писал матери: «Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу быть таким».

Оппозиционность Рыльева зародилась ещё в армии, которая после славы, побед и взятия Парижа вернулась под арачкеевские палки и бешеным матом крыла родимые порядки.

Все свои подражательные стихи, песни, романсы и прочие безделки в духе Жуковского и Батюшкова, написанные в походах, а затем в гарнизоне, Рылеев оставил ненапечатанными.

Печататься он начал в 1820, в петербургских журналах. Некоторое время он параллельно создаёт и публикует как оды «К временщику» и «Гражданское мужество», так и лёгкие стихи «К Делии», «Жестокой», «Нечаянное счастье». Но вскоре он забросил анакреотическую лирику в духе Батюшкова.

В апреле 1821 года Рылеев избран членом руководимого Глинкой Вольного общества любителей российской словесности. Здесь завершилось литературно-политическое воспитание Рыльева. Он выдвинулся в ряды главнейших и активнейших участников Вольного общества.

Кумир молодёжи, казавшийся воплощением душевного благородства, Рылеев быстро обрастал важными связями и знакомствами. Он сблизился с Гнедичем, которого считал своим руководителем в области гражданской поэзии, познакомился с Николаем Тургеневым, дружески сошелся с Бестужевым-Марлинским и Пуциным.

Бестужев вскоре стал другом и единомышленником Рыльева; они вместе издавали в 1823–1825 альманах «**Полярная звезда**». Пущин (лицейский друг Пушкина) больше года был сослуживцем Рыльева в петербургской палате уголовного суда; именно Пущин вёл Рыльева в Северное тайное общество.

Рылеев был дружески связан с Баратынским, чье стихотворения он собирался издавать, с Дельвигом, Вяземским, Пушкиным. С последним будущий декабрист познакомился в СПб

ещё до южной ссылки автора «Деревни» и «Руслана». Более они не встречались, но вели переписку, особенно оживлённую в 1825 году (об этом см. ниже).

Рылеев познакомился и близко сошелся с Адамом Мицкевичем, который по распоряжению правительства в 1825 был выслан из Польши на службу в Петербург.

В творчестве Рылеева гражданский пафос делается определяющим. В основном это поэзия высокого классицизма: послание Ермолову (1821), оды «Видение» и «Гражданское мужество» (обе 1823).

В 1821 году Рылеев начинает создавать и печатать свои знаменитые думы; он писал их до начала 1823. Отдельным изданием думы Рылеева (их всего 25) вышли в 1825 году. Подробнее об этом ниже.

Декабрист

В октябре 1823 года Пущин ввёл Рылеева в Северное общество, и Рылеев сразу же занял в нём видное положение. В это время главное внимание членов общества сосредоточилось на обсуждении и критике проекта конституции Никиты Муравьева. Этот заговорщик предусматривал сильную исполнительную и военную власть императора, а также очень высокий имущественный ценз для избирателей. Рылеев соглашался с конституционной монархией Муравьева, но резко критиковал систему имущественного ценза, считая демократию необходимой для России. При этих расхождениях Рылеев вплоть до весны 1824 года оставался сторонником Никиты Муравьева и Николая Тургенева по вопросу о конституционной монархии.

Надежды Рылеева на «просвещённого монарха», который сможет осуществить широкую программу реформ, отразились в одах «Видение» и «Гражданское мужество».

В «Гражданском мужестве» поэт воспеваёт доблести адмирала Мордвинова. Николай Семёнович Мордвинов (1854–1845) славился своим независимым и оппозиционным настроением в отношении правительства; он был одним из кандидатов Северного общества в члены будущего временного правительства.

Ода «Видение» была обращена к пятилетнему Александру Николаевичу, которого декабристы одно время предполагали возвести на престол:

Люби глас истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства дух неблагородный —
Неправосудье истреби. . .

Так обращался Рылеев к будущему «царю-освободителю».

В марте 1824 года в СПб приезжает Пестель для совещаний с петербургскими единомышленниками по вопросу о соединении Северного и Южного общества. На этих тайных заседаниях происходят отчаянные споры. Резкое сопротивление республиканской и демократической программе Пестеля, его якобинским тенденциям оказали С. П. Трубецкой

и Н. М. Муравьёв. На других северян, особенно на Рылеева и Оболенского, идеи Пестеля произвели огромное впечатление.

С весны 1824 года начинается идейное расслоение Северного общества, постепенный отход более умеренных элементов от руководства революционной работой и оформление левого крыла, вождём которого становится Рылеев. Под влиянием Пестеля он перешёл к республиканским позициям, к программе южан.

Весной 1824 года, оставив уголовную палату, Рылеев по рекомендации адмирала Мордвинова был назначен правителем канцелярии Российско-Американской торговой компании, привлекавшей и других декабристов возможностью контактов с оппозиционно настроенной частью купечества. Со второй половины 1824 года деятельность Рылеева приобретает исключительный размах. Он служит в компании, ведёт нелегально большую революционную работу, вместе с Бестужевым-Марлинским издаёт «Полярную звезду» и много пишет. От дум он уже перешёл к большим поэмам, однако в то же время не чуждается и низших жанров.

Так, вместе с Бестужевым он пишет несколько агитационных песен для народа, используя формы крестьянского, солдатского и мещанского фольклора. В 1823 году они создают песню «Ты скажи, говори», где прямо говорится, «как в России царей давят» (Пётр III и «курносый злодей», т. е. Павел Петрович). Одна из лучших песен Бестужева и Рылеева «Ах, тошно мне» была написана на голос широко популярного романа Налединского-Мелецкого. В этой песне простыми и яркими словами говорилось о крепостном праве:

... И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

О помещиках говорится здесь:

Они кожу с нас дерут,
Мы посеём — они жнут,
Они воры,
Живодёры,
Как пиявки, кровь сосут.

О судах: «Без синюхи судьи глухи, без вины ты виноват».

Нас поборами царь
Иссушил, как сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили нас вконец.

О кабаках: «А под царским орлом ядом почтуют с вином. . .

Далее о военных поселениях — и естественный переход к концовке:

Уж так худо на Руси,
Что и боже упаси!
Всех затеев
Аракчеев
И всему тому виной.
Он царя подстрекнёт,
Царь указ подмахнёт,
Ему шутка,
А нам жутко,
Тошно так, что ой, ой, ой!
А до бога высоко,
До царя далеко,
Да мы сами
Ведь с усами.
Так мотай себе на ус.

Эта песня относится к 1824, как и знаменитая песня «Уж как шёл кузнец», написанная на голос «подблюдных песен» (с хоровым славословием). Кузнец несёт из кузницы три ножа: «на злодеев-вельмож», «на попов, на святош» и «третий нож на царя».

Заговорщики планируют уничтожение императорской фамилии. Рылеев — самый радикальный из этих революционеров; фактически он становится во главе Северного общества. В 1825 он избран членом Думы этого общества и начинает энергичную вербовку новых членов.

Теперь он уже полностью и сознательно расстаётся с анакреотическими увлечениями своей недавней молодости. В стихотворении «Я не хочу любви твоей» (1824) Рылеев говорит:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы, моя отчизна страждет;
Душа в волненьи тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Он создаёт самую знаменитую поэтическую декларацию декабристской идеологии «Гражданин».

Я ль буду в роковое время
Позорить гражданина сан
И подражать тебе, изнеженное племя
Переродившихся славян?
Нет, неспособен я в объятых сладострастья,
В постыдной праздности влачить свой век молодой
И изнывать кипящею душой
Под тяжким игом самовластья.

...

Они раскаются, когда народ, восстав,
Застанет их в объятьях праздной неги
И, в бурном мятеже ища свободных прав,
В них не найдут ни Брута, ни Риеги.

Стихотворение с исключит. силой выражает устремления героя эпохи, посвятившего свою жизнь борьбе «за угнетённую свободу человека». **Кульминация декабристской лирики.**

Согласно показаниям Рылеева на следствии, «Гражданина» и песню «Ах, тошно мне» он ещё в августе в 1824 передал для распространения М. И. Муравьёву-Апостолу, который уезжал из СПб на юг. Но Пущин и Бестужев утверждают, что «Гражданин» написан в декабре 1825 года.

В начале 1825 князь Трубецкой уехал в Киев, и на его место в Думу Северного общества избран Рылеев. Именно он принял в общество Бестужева, Каховского, князя Одоевского и многих других; через Штейнгеля пытался установить связи с московским купечеством; вёл неустанную пропаганду.

Весной 1825 на почве общих политических и литературных интересов Рылеев сближается с Грибоедовым и Кюхельбекером.

В 1825 году отдельными книжками вышли в свет его «Думы», до этого выходившие в разных журналах, и поэма «Войнаровский», написанная в 1823 году, когда работа над думами была уже оставлена. Это крупнейшие произведения декабристского революционного романтизма, особенно «Войнаровский».

Думы. Критика Пушкина

Задачей Рылеева в думах явилось художественное воскрешение исторических образов для воспитания «сограждан подвигами предков». Эти думы давали портретные характеристики ряда деятелей русской истории: «Олег Вещий», «Ольга при могиле Игоря», «Святослав», «Михаил Тверской», «Дмитрий Донской», «Ермак», «Иван Сусанин», «Богдан Хмельницкий», «Пётр Великий в Острогжске», «Волынский», «Наталья Долгорукова», «Державин» и др. Все они под пером Рылеева — пламенные патриоты, правдолюбцы, борцы за свободу; всем им он невольно придаёт позы и риторические приёмы героев республиканского Рима, Курциев, Брутов и Кассиев.

Рылеев зовёт к борьбе с тиранами и с ненавистью трактует деятелей, опиравшихся на иноземные силы («Дмитрий Самозванец»).

Среди дум, не напечатанных при жизни Рылеева, есть и такие, в которых прославляется новгородская вольница. Таковы думы о «Марфе Посаднице» и о «Вадиме», защитнике древних прав вольного Новгорода.

Само название «дума» Рылеев взял из украинской народной поэзии, а тематику черпал в основном из «ИГР» Карамзина, хотя резко расходился с политическими идеями историка.

Жанровое своеобразие дум ещё раньше вызвало дискуссию. Друг поэта Бестужев в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» («Пол. зв.», 1823) писал: «Рылеев, сочинитель дум или гимнов исторических, пробил новую тропу в русском стихотворстве, избрав целью возбуждать доблести сограждан подвигами предков».

В «Русском инвалиде» (1823, № 4) критик, укрывшийся под инициалом К. возразил Бестужеву, высказывая сомнения в оригинальности Рылеева и говоря, что жанр заимствован из польской литературы. Этот К. имел в виду «Исторические гимны» польского поэта Юлиана Немцевича (1757–1841). Действительно, Рылеев очень ценил этого поэта, состоял с ним в переписке и в 1822 опубликовал перевод думы Немцевича «Глинский», включив его затем в свой сборник 1825 года. Рылеев не отрекался от этого родства, считал Немцевича своим предшественником в этом жанре и в своем предисловии к сборнику «Думы» назвал его одним из лучших поэтов Польши. Но в то же время Рылеев не был просто подражателем, а шёл своим путём. Поэтому в сборнике 1825 года одну думу («Олег Вещий») он демонстративно выделил как подражательную и поместил её со ссылкой на Немцевича, чтобы отвести дальнейшие сомнения в оригинальности своего творчества.

На сомнения «Русского инвалида» в национальном характере самого жанра дум ответил в особой статье Бестужев-Марлинский: «думы суть общее достояние племён славянских», они выросли на почве устного народн. творчества и жанр думы «поместить должно в разряд чистой романтической поэзии». Определяющий признак жанра — это национальн-историческая тема в субъективной трактовке: «... дума не всегда есть размышление исторического лица, но более воспоминание автора о каком-либо историческом происшествии или лице, и нередко олицетворённый об оных рассказ».

Совершенно иными глазами читал думы Рылеева ссыльный Пушкин, получая столичные журналы.

4 сентября 1822 года он пишет брату Льву: «Милый мой, у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило...» (Пушкин говорит об ошибке Рылеева в думе «Богдан Хмельницкий».

В январе 1823 — тому же Льву Пушкину поэт разъясняет другую ошибку Рылеева — российский герб на вратах византийских, повешенный Олегом, во времена которого никакого русского герба ещё не было.

В другом письме Пушкин дважды иронически повторяет слова «знаменитый Рылеев...»

В марте 1823 Пушкин просит Вяземского: «Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога, а то Плетнёв и Рылеев отучат мне от поэзии».

12 января 1824 — Александра Бестужеву: «Рылеева “Войнаровский” несравненно лучше всех его “Дум”, слог его возмужал и становится истинно повествовательным, чего у нас почти ещё нет».

NB! Вскоре (начало февраля? 1724 года) Пушкин пишет брату Льву: «С Рылеевым мирюсь “Войнаровский” полон жизни».

25 января 1825 года, уже из села Михайловского, Пушкин пишет Рылееву в СПб: «Благодарю тебя за ты и за письмо». И далее о «Войнаровском»: «Эта поэма нужна была для нашей словесности».

24 марта 1825 — Александру Бестужеву: «Откуда ты взял, что я льщу Рылееву? мнение своё о его “Думах” я сказал вслух и ясно; о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идёт своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасуюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чёрт его знал. Жду с нетерпением “Войнаровского” и пришлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтобы он писал — да более, более!»

В апреле 1825 — Жуковскому: «Цель поэзии — поэзия — как говорит Дельвиг (если не украд этого). Думы Рылеева и целят, а всё не в попад».

NB В мае 1825 — Рылееву: «Что сказать тебе о думах? во всех встречаются стихи живые, окончательные строфы «Петра в Острогоске» чрезвычайно оригинальны. Но вообще все они слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (Locī topici). Описание места действия, речь героя — и нравоучение. Национального, русского нет в них ничего, кроме имён (исключаю «Ивана Сусанина», первую думу, по коей начал я подозревать в тебе истинный талант). Ты напрасно не поправил в «Олеге» герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орёл есть герб византийский и принят у нас во времена Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повесил щит свой на вратах на показание победы.

Об «Исповеди Наливайки» скажу, что мудрено что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде. Нахожу отрывок этот растянутым; но и тут, конечно, наложил ты свою печать».

Мнение Пушкина прочно, и в мая 1825 он пишет Вяземскому: «Это поэма [«Чернец» Козлова], конечно, полна чувства и умнее «Войнаровского», но в Рылееве есть более замашки или размашки в слоге. У него есть какой-то там палач с засученными рукавами, за которого я бы дорого дал. Зато «Думы» дрянь, и название сие происходит от немецкого dumm, а не от польского, как казалось бы с первого взгляда».

Критика Пушкина глубоко обоснована. В рылеевских думах монологи исторических лиц и автора по существу не различались между собой. Интерес и значение дум заключались преимущественно в образе автора, объединявшем весь цикл в единое целое.

Все исторические герои Рылеева сходятся к одному центру, все напоминают о герое декабристской эпохи со всеми особенностями его мировоззрения, с характерной символикой его поэтического языка: «тиран», «гражданин», «общественное благо», «вольность»... Мирозерцание поэта-декабриста, выраженное в думах, нередко вступало в противоречие с объективной

сущностью героя, которого автор заставлял произносить монологи о свободе — напр., Волынского.

Прославление гражданской доблести через лирическое изображение исторических героев — в этом суть революционного романтизма дум Рылеева. Но это лирическое изображение по самой задаче не нуждалось в том историзме, к которому стремился Пушкин.

Думы связаны и с классицизмом: в особенностях языка и композиции, в своей риторичности и дидактике. Рылеев в думах продолжает классические традиции.

Итог: думы Рылеева, при некоторой зависимости их от оды классицизма, украинских народных дум, «Исторических песен» Немцевича, от поэм Байрона и Пушкина, всё же явились оригинальным драматическим жанром, найденным Рылеевым. Пафос дум — революционный патриотизм, герои соответствуют лишь представлению поэта о желаемом (проекция идеала на историческое прошлое. — Р. Н.).

«Войнаровский»

В этой поэме учителем Рылеева был Пушкин. У него Рылеев, по его собственному признанию, учился стихотворному языку.

Герой поэмы — племянник Мазепы, Войнаровский; он явился ближайшим участникам в заговоре против Петра I. После смерти Мазепы Войнаровский бежал за границу, но потом был выдан нашему правительству и сослан в Якутию. Время действия поэмы — 30-ые годы XVIII века. Историк Миллер, путешествующий по Сибири, встречает вблизи Якутска ссыльного Войнаровского, и тот рассказывает ему о своей жизни, о Мазепе и об участии в заговоре.

История Войнаровского в изображении Рылеева — это история благородного и пылкого молодого человека, искренне поверившего Мазепеи совращённого им на путь измены.

Рылеев наделил своего героя своим собственным вольнолюбием. Как их в думах, образ автора сливается в поэме с образом Войнаровского. В речах Войнаровского мы слышим голос трибуна и гражданина, борющегося за «свободу человека», за его «свободные права» против «тяжелого ига самовластия». Рылеев идеализировал в поэме образ Мазепы; именно это обстоятельство отметил впоследствии Пушкин. Критические замечания в адрес «Войнаровского» Пушкин сделал в предисловии к «Полтаве», которую задумал отчасти под впечатлением поэмы Рылеева.

В этой поэме, отойдя от своего прежнего классицизма, Рылеев опирается на романтическую поэтику Байрона и Пушкина. В работе над «Войнаровским» поэт использовал исторический и этнографический материал (напр., журнальные статьи о Якутске).

«Войнаровского» называют «романтической поэмы с агитационно-пропагандистской установкой». Романтическая субъективность этой поэмы была неприемлема для Пушкина. Он выше всех произведений Рылеева ценил «Войнаровского», но и эту вещь критиковал. В «Полтаве» же он дал исторически правдивый образ Мазепы как изменника родины, уничтожив

героический ореол, которым окружили мятежного гетмана Украины и Байрон, и Рылеев (ореол романтического мстителя).

12 февраля 1825 года Рылеев писал Пушкину: «Очень рад, что Войнаровский понравился тебе. В этом же роде я начал Наливайку и составляю план для Хмельницкого. Последнего хочу сделать в 6 песнях; иначе не всё выскажешь».

Пушкин в письме к Бестужеву-Марлинскому подтрунивал над «**планщиком**» Рылеевым и шутил, что лучше стихи без планов, чем планы без стихов.

Финал (14 декабря 1825)

Рылеев успел опубликовать три отрывка из поэмы о Наливайке («Смерть Чигиринского старосты», «Киев» и «Исповедь Наливайки») и два отрывка из новой поэмы о Мазепе («Гайдамак» и «Палей». Трагедия «Хмельницкий» не сохранилась, нет даже планов; неизвестно, что успел сделать Рылеев для трагедии.

Все три замысла относятся к истории Украины. Особенно далеко продвинулась разработка поэмы о Наливайке; это должно было стать большое историческое полотно.

Если в «Войнаровском» монолог героя был главным организующим элементом произведения, то в «Наливайке» центр тяжести переносился на объективное повествование, к-рое вёл сам автор. Вследствие этого сюжет поэмы стал динамичнее, а лирические партии героев получили большую напряженность. В «Войнаровском» имеется любовная интрига (образ юной казачки), а в «Наливайке» она устранена полностью.

Герой поэмы Наливайко — вождь народного восстания против польского ига. Народное дело стало для него личным делом. Романтический образ Наливайки — это образ героя, живущего страстями и помыслами народа:

Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребия: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

В «Наливайке» современники ещё легче, чем в «Войнаровском», находили открытый призыв к борьбе с самодержавием. Слова Наливайки звучали как слова самого Рылеева. Особенно обнажился агитационный смысл поэмы в «Исповеди Наливайки»:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —

Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

«Когда Рылеев писал исповедь Наливайки, — вспоминал в своих мемуарах декабрист Н. А. Бестужев, — у него жил больной брат мой Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал. Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принёс их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила. “Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою. Ты, как будто, хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах”. — “Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении, — сказала Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей гибели, которую мы должны купить нашу первую попытку для свободы России, и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян”».

Рылеев, как и герои его поэзии (Иван Сусанин, Наливайко и др.), сознательно шёл на гибель.

С ноября 1825 года Рылеев стал вождем Северного общества. Он вдохновлял восстания, и он же 14 декабря оказался его единственным руководителем (одни не явились на площадь, другие оказались «не на высоте»). В ходе подготовки к восстанию Рылеев проявил кипучую деятельность. Утром 14 декабря он энергично инструктировал членов тайного общества, а затем находился в рядах восставших полков на Сенатской площади.

После разгрома восстания Кондратий Рылеев был арестован и заключён в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. В тюрьме он просидел полгода и пережил глубокую душевную трагедию. Им овладели религиозно-мистические настроения, он каялся и признавался; Николаю I, проявившему в этом следствии величайшие полицейские таланты, удалось обмануть Рылеева и получить от него исчерпывающие показания.

Приговором Верховного суда Рылеев, вместе с Пестелем, Каховским, Муравьёвым-Апостолом и Бестужевым-Рюминым, был осуждён к смертной казни четвертованием. В официальной «Росписи государственным преступникам» около имени Рылеева значилось: «Умышлял царубийство; назначал к совершению оною лица; умышлял на лишение свободы, на изгнание и на истребление императорской фамилии и приуговлял к тому средства; усилил деятельность Северного общества; управлял оным, приуговлял способы к бунту; составлял планы, заставлял сочинить Манифест о разрушении правительства; сам сочинял и распространял возмутительные песни и стихи и принимал членов; приуговлял главные средства к мятежу и начальствовал в оных; возбуждал к мятежу нижних чинов чрез их начальников посредством разных оболщений, и во время мятежа сам приходил на площадь».

Николай I с гнуснейшим лицемерием разыграл перед осуждёнными комедию великодушия. Он сказал Рылееву, что прощает его. Рылеев был уверен, что его раскаяние понятно и оценено по достоинству. Но Николай I, «простив» его, затем преспокойно казнил.

Этот гнуснейший из монархов заменил всем осуждённым четвертование повешением. **13 июля 1826 года** пятеро, в числе которых был и Рылеев, «кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнений с другими», были повешены на кронверке Петропавловской крепости.

Существует множество рассказов, как у двоих казнимых, в том числе у Рылеева, верёвки оборвались. При этом Рылеев что-то сказал.

Одна версия: «Я счастлив дважды умереть за отечество».

Другая версия: «Несчастливая Россия! Даже повесить толком не умеют!»

Третья (и наиболее достоверная): «Палач, расплети свои эполеты на веревки!»

Это было сказано офицеру, который командовал казнью, т. к. запасных верёвок под рукой не оказалось и за ними пришлось далеко посылать.

Трупы пятерых казнённых были тайно зарыты где-то на Невском взморье, где — в точности не известно.

Поэзия Рылеева оказала сильное влияние на Лермонтова, Полежаева, Огарёва и особенно на Некрасова. Несколько десятилетий стихи Рылеева распространились по России в рукописных книгах.

История с Черновым

Флигель-адъютант В. Д. Новосильцев, из высшей петербургской знати, увлек дочь судебного чиновника Е. П. Чернову. Знатная родня воспрепятствовала браку Новосильцева с бедной и не знатной девушкой. Константин Пахомович Чернов, брат этой девушки, вызвал оскорбителя сестры на дуэль. Секундантом Чернова был поэт Кондратий Рылеев. На дуэли противники тяжело ранили друг друга. Чернов умер от раны; его похороны превратились в декабристскую манифестацию. Рылеев написал стихотворение «На смерть Чернова».

Фёдор Глинка

Религиозная поэзия

Старший брат поэта

Сергей Николаевич Глинка родился 5 (16) июля 1775 года в имении Сутоки (Смоленской губернии), а умер 5 (17) апреля 1847 в СПб. Воспитанник кадетского корпуса, он служил в ополчении в 1807 году и участвовал в войне 1812 года. Сергей Глинка издавал в 1808–1820 и в 1824 годах журнал «Русский вестник», выступавший с монархических и националистических позиций против французского влияния.

В 1807 опубликовал патриотическую поэму «Пожарский и Минин, или Пожертвования россиян», написала ряд исторических драм: «Наталья, боярская дочь» (1806), «Минин» (1809), «Осада города Полтавы, или Клятва полтавских жителей» (1810). С 1827 по 1830 г. Сергей Глинка был цензором Московского цензурного комитета.

В 1836 изданы его «Записки о 1812 годе», в 1837 — «Записки о Москве и заграничных происшествиях от исхода 1812 до половины 1815 г.». Он был также автором «Русской истории» в 14 частях, многочисленных стихотворений, исторических и нравоучительных повестей, анекдотов и т. д. Его сочинения в 12 частях вышли в Москве, в 1817–1820 гг. (не охватывают всего периода творчества), а «Записки» переизданы в СПб, 1895 год.

Его младшим братом был Фёдор Глинка, о котором далее и пойдет речь.

Молодость Фёдора Глинки

Родился Фёдор Николаевич Глинка в тех же Сутоках 8 (19) июня 1786 года, умер в Твери 11 (23) февраля 1880 года, прожив очень долгую жизнь.

Он окончил кадетский корпус в 1803 году, в 1805–1806 служил в армии, участвовал в сражении при Аустерлице¹. Первое своё стихотворение «Глас патриота» опубликовал в 1807 году. Выйдя в отставку, жил в Смоленском имении.

Участник Отечественной войны 1812 года, Бородинского сражения и заграничных кампаний 1813–1814 годов, которые он описал в «Письмах русского офицера», 1815–1816. Эти письма принесли ему первую литературную известность.

Фёдор Глинка был масон, одним из первых вошёл в Союз Спасения, затем в Союз Благоденствия, примкнув к умеренному крылу декабристов. Он жил в СПб и продолжал служить в армии.

В 1816 он был избран вице-председателем только что созданного Вольного общества любителей российской словесности и начал принимать самое деятельное участие в декабристском движении, создавая кружки и общества, легальные и тайные. Он был одним из организаторов и руководителей Союза благоденствия. После роспуска этого Союза Глинка постепенно отходит от деятельности заговорщиков. В члены тайного Северного общества он не вступил, хотя на совещаниях его бывал. Он по-прежнему оставался близок декабристам, но не разделял их революционных взглядов.

В 1819 году Фёдор Глинка стал уже председателем Вольного общества любителей российской словесности и оставался на этом посту до 1825 года.

Он был также членом общества «Зелёная лампа».

Гражданская лирика молодого Глинки весьма своеобразна. Патриотическая тематика у него переплетается с библейской и религиозной; всё это связано воедино идеями свободы и высокой чистоты духа. Так, в «Полярной звезде на 1823 год» Глинка опубликовал одну из самых известных своих политических элегий «Плачь пленённых иудеев». Используя библейскую легенду о вавилонском пленении иудеев, Глинка фактически проводит свободлюбивые декабристские идеи. Вот три заключительные строфы (всего их 6):

Сиона песни — глас свободы!

Те песни — слава нам дала!

¹Глинка окончил 1-й кадетский корпус в СПб и в 1803 был выпущен прапорщиком в пехотный Апшеронский полк, но войну 1805–1806 проделал адъютантом при Милорадовиче.

В них тайны мы поём природы
И бога дивного дела!
Немей, орган наш голосистый,
Как занемел наш в рабстве дух!
Не опозорим песни чистой:
Не ей ласкать злодеев слух!
Увы! неволи дни суровы
Органам жизни не дают:
Рабы, влачащие оковы,
Высоких песней не поют!

Такой афористической концовкой завершается это энергичное и волевое стихотворение, где в библейский сюжет органично входит декабристская патетика, тираноборство.

После восстания 14 декабря 1825 года Фёдор Глинка просидел три месяца в Петропавловской крепости и был уволен с военной службы (1826). Его сослали в Петрозаводск с определением на службу по гражданской части. Там он был советником Олонецкого Губернского правления, но жил под надзором полиции. В 1830 получил разрешение на переезд в Тверь, где был советником губернского правления в Твери и в Орле. По сути дела, он оставался всё это время на положении ссыльного. Только в 1835 он получил отставку и разрешение жить в столицах, поселился в Москве, но жила дальше и в Петербурге.

Гражданская лирика декабристов Глинки — это в основном патриотические и «духовные» стихи, окрашенные сентиментальными и библейскими мотивами. Но в 1824 году появляется «Сон русского на чужбине»:

Свеча, чуть теплясь, догорала,
Камин, дымясь, погасал;
Мечта мне что-то напевала,
И сон меня околдовал. . .
Уснул — и вижу я долины
В наряде праздничном весны
И деревенские картины
Заветной русской стороны!..
Играет рог, звенят цевницы,
И гонят парни и девицы
Свои стада на влажный луг.
Повеял новый, тёплый дух
Весенней жизни и свободы
От долгой и крутой зимы —
И рвутся из своей тюрьмы,
И хлещут с гор кипящи воды. . .

Пловцов брадатых на стругах
Несётся с гулом отклик долгий;
И широко гуляет Волга
В заповедных своих лугах...
Поляны муравы одели,
И вместо пальм и пышных роз,
Густеют молодые ели,
И льётся запах от берёз!
!! И мчится тройка удалая
В Москву, дорогой столбовой,
И колокольчик-дар Валдая —
Гудит, качаясь под дугой...
Младой ямщик бежит с полночи:
Ему сгрустнулося в тиши,
И он запел про ясны очи,
Про очи девицы-души:
«Ах, очи, очи голубые!
Вы иссушили молодца!
Зачем, о люди, люди злые,
Зачем разрознили сердца?
Теперь я горький сиротина!»
И вдруг махнул по всем по трём...

...

Но я расстался с милым сном,
И чужеземная картина
Сияла пышно предо мной.
Немецкий город... всё красиво,
Но я в раздумье молчаливо
Вздыхнул по стороне родной...

Фрагмент из этого стихотворения стал знаменитой народной песней («Вот мчится тройка удалая»).

В ссылке Фёдор Глинка изучал этнографию и фольклор Карелии, что отразилось в его «карельских» поэмах (1820–1830): «Дева карельских лесов» и «Карелия».

Фёдор Глинка и Александр Пушкин

Пушкин познакомился с Глинкой сразу же по выходе из лицея. Позже Глинка вспоминал: «Я очень его любил как Пушкина и уважал как в высшей степени талантливого поэта.

Кажется, и он это чувствовал и потому позволял мне говорить ему прямо-на-прямо насчёт тогдашней его разгульной жизни. Мне удалось даже отвести его от одной дуэли».

С 1819 года гвардии полковник Глинка состоял для поручений при петербургском генерал-губернаторе Милорадовиче. Однажды весной 1820 года Глинка встретился на улице с бледным и серьёзным Пушкиным.

— Я шёл к вам посоветоваться, — сказал он. — Вот видите: слух о моих и не моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошёл до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося дать ему почитать моих сочинений и уверял, что скоро принесёт их назад. Но мой верный старик не согласился, а я взял да и сжёг все мои бумаги. . . Теперь меня требуют к Милорадовичу. Я не знаю, как и что будет, и с чего с ним взяться. Вот я и шёл посоветоваться с вами.

— Они долго обсуждали дело. В конце концов Глинка посоветовал:

— Идите прямо к Милорадовичу, не смущаясь и без всякого опасения. Положитесь безусловно на благородство его души, он не употребит во зло вашей доверенности.

Пушкин так и сделал. Он явился к Милорадовичу и в его присутствии сам написал по памяти все свои нелегальные стихи, чем привёл генерала в восторг.

После высылки Пушкина на Юг Ф. Н. Глинка напечатал в «Сыне отечества» приветственные стихи к опальному поэту (1820):

О Пушкин, Пушкин! кто тебя
Учил пленять в стихах чудесных?
Какой из жителей небесных,
Тебя младенцем любил,
Лелеял, баял в колыбели? [баюкал]
Лишь ты завидел белый свет,
К тебе эроты прилетели
И с лаской грации подсели. . .
И музы, слышал я, совет
Нарочно всей семьёй держали
И, кончив долгий спор, сказали:
«Расти, резвись — и будь поэт!»

Далее в послание «К Пушкину» следуют вольные вариации на тему «Руслана и Людмилы», а последние строки гласят:

Следы исчезнут поколений,
Но жив талант, бессмертен гений!

Чтобы послание выглядела не столь вызывающим, Глинка снабдил его примечанием: «Стихи сии написана за год перед сим, по прочтении двух первых песен “Руслана и Людмилы”». На этом основании послание датируется 1819 годом, что вряд ли правильно. . .

Пушкин ответил Глинк из Кишинёва благодарным посланием:

Когда средь оргий жизни шумной
Меня постигнул остракизм,
Увидел я толпы безумной
Презренный, робкий эгоизм;
Без слёз оставил я с досадой
Венки пиров и блеск Афин,
Но голос твой мне был отрадой,
Великодушный гражданин!
Пускай судьба определила
Гоненья грозные мне вновь,
Пускай мне дружба изменила,
Как изменяла мне любовь, —
В моём изгнании позабуду
Несправедливость их обид:
Они ничтожны, если буду
Тобой оправдан, Аристид!

В Древних Афинах Аристид, соперник Фемистокла и победитель при Марафоне, прославился своей неподкупной честностью и благородством. Назвать Глинку Аристидом было немалой лестью. На самом деле Пушкин не столь уж высоко ставил «великодушного гражданина». Довольно скоро после кишинёвского послания он написал на Глинку эпиграмму, где называет его **Фитой** (имя Глинки писалось через «фиту»: **Тедорь**):

Наш друг Тита, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом;
Поэт Тита, не становись **фертом**!
Дьячёк Тита, ты **вжица** в поэтах!
(Ижица — последняя, 35-ая буква русского алфавита).

В знаменитом «Собрании насекомых», к-рое с таким трудом расшифровали пушкинисты, Глинка назван «божия коровка», что говорит разом и о доброте его, и о незначительности.

В 1825 году, посылая Вяземскому эпиграмму на «Фиту», приведённую выше, Пушкин писал: «Не выдавай меня, милый; не показывай этого никому: Тита бо друг сердца моего, муж благ, незлобив, удаляйся от всякия скверны».

Когда появилась в печати поэма Глинки «Карелия», Пушкин написал на неё рецензию «Карелия, или заточение Марфы Иоановны Романовой», отметив в ней свежесть живописи при описании северной природы и народного быта.

В 1830 году Пушкин и Вяземский заезжали к Глинке в Тверь.

Пушкин признавал Глинку оригинальным поэтом, со своим собственным лицом, с поэтическим воображением, теплотой чувств и свежей живописью, но в то же время небрежным

в рифмах и слоге, однообразном в мыслях, с простотой, переходящей в изысканность, с оборотами то смелыми, то прозаическими. Эти смелые обороты не раз веселили Пушкина. Так, в «Северных цветах» за 1831 год была помещено стихотворение Глинки «Бедность и утешение».

Не плачь, жена! Мы здесь земные постояльцы;
Я верю: где-то есть и нам уютный дом!
Подчас вздохну я, сидя за пером;
Слезы роняешь ты на пальцы;
Ты всё о будущем полна заботных дум:
Бог даст детей?.. — Ну что ж? — пусть Он наш будет Кум!

По этому поводу Пушкин писал Плетнёву: «Бедный Глинка работает, как батрак, а проку всё нет. Кажется мне, он с горя рехнулся. Кого вздумал просить себе в кумовья! Вообрази, в какое положение приведёт он и священника, и девочка, и куму, и бабу, да и самого кума, которого заставят же отречься от дьявола, плевать, дуть, сочетаться и прочие творить проделки. Нащокин уверяет, что всех избаловал покойник царь, который у всех крестил ребят. Я до сих пор от дерзости Глинкиной опомниться не могу. Странная вещь, непонятная вещь!»

Пушкин указывал на оригинальность элегических псалмов Глинки и в тоже время на однообразие мыслей в них. Некоторые из этих псалмов были просто нелепы. Так, в одном из них Адонаи (господь) говорит своему мечу:

Сверкай, мой меч! играй, мой меч!
Лети, губи, как змей крылатый!
Пируй, гуляй в раздолье сеч!
Щиты их в прах! В осколки латы!

Об этом упоминается в дневниковой записи Пушкина за 1844 год: «Цензор Никитенко на гауптвахте под арестом и вот по какому случаю: Деларю напечатал перевод оды Гюго, в которой находится следующая глубокая мысль: если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои (см. Деларю)... А всё виноват Глинка. После его ухарского псалма, где он заставил бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что Он пустился во всё тяжкое... Псалом Глинки уморительно смешон».

Аристид! Великодушный гражданин!
Божья коровка... Кутейкин в эполетах...

Глинка не был большим русским поэтом. Однако он интересен и самобытен.

Дальнейшая эволюция Глинки

Поражение декабристов вынудило Фёдора Глинку целиком уйти в христианское смирение. Теперь уже он пел не о свободе, а о милосердии монарха. В его стихах исчезли

«тираны» и появился православный царь. В 1831 году появляется знаменитый «Узник», иногда датируемый 1826 годом (якобы написан в крепости):

Не слышно шуму городского,
На невских башнях тишина!
И на штыке у часового
Горит полночная луна.
А бедный юноша, ровесник
Младым цветущим деревьям,
В глухой тюрьме заводит песни
Передаёт тоску волнам.
«Прости, мой дом, мой кров любезный!
Прости навек, моя семья;
Здесь за решёткою железной
Уже не свой вам больше я!
Прости, отец, прости, невеста,
Сломись, венчальное кольцо;
Отныне здесь моё уж место;
Не быть мне мужем и отцом!
Сосватал я себе неволю,
Мой жребий — слёзы и тоска!
И мне сносить такую долю
Взяла сама моя рука.
Но есть надежда в избавленье,
Своим бедам найти конец?
Но есть на свете провиденье
И на Руси — ты, наш отец!
О русский царь! в твоей короне
Есть драгоценнейший алмаз.
Он значит: милость есть на троне,
О русский царь, помилуй нас!

...

Уж ночь прошла, с рассветом ясным
За ней день новый засиял!
А бедный узник в каземате
Всё ту же песню повторял.

Из этого великолепного стихотворения также образовалась народная песня. Книга Глинки «Очерки Бородинского сражения» (1839) была положительно оценена Виссарионом Белинским.

В 1841 году Глинка (ему уже 55 лет) публикует стихотворение «Москва», имевшее значительный успех и вошедшее во многие русские хрестоматии. Это, по сути дела, гимн русского патриотизма с значительным славянофильским оттенком:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах. . .
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!
Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит.
На твоих церквах старинных
Врастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных. . .
Это матушка Москва!
Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
И Ивана-звонаря?
Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!
Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе, —
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!
Ты, как мученик, горела.
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!
И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат,
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Уже с конца 30-х годов Фёдор Глинка сближается с будущими славянофилами, сотрудничает с Погодиным и Шевырёвым в журнале «Москвитянин». В 1839 году выходят «Духовные стихотворения» Глинки. Процесс превращения масона и декабриста в верноподданного завершается.

Старость поэта

Поэмы Фёдора Глинки «Иов» (1859), и «Таинственная капля» (1861) проникнуты религиозным мистицизмом. Дряхлеющий поэт впадает в мистицизм и смыкается с политической реакцией.

Глинка был очень добр. Один из современников рассказывает: «Я не встречал подобного энтузиазма ко всему доброму. Расскажите при нём о каком-нибудь благородном поступке, тотчас цвет лица его переменится, и вид его, обыкновенно мрачный, делается весёлым. Он жил в бедности, но, невзирая на то, послал однажды заключённым в тюрьме сто горшков цветов. Людей он не знал».

Но этот благороднейший человек был вместе с тем суетен и тщеславен в высшей степени. Под старость он весь ушёл в чинопочитание и в мелочное самообожание. Этот маленький, чёрненький, сморщенный старичок с добродушным личиком постоянно носил все имевшиеся у него ордена; поэт Щербина называл его ходячим иконостасом и уверял, что бабы к нему прикладываются. Остряки утверждали, что Глинка даже купается, не снимая орденов.

Его жена, Авдотья Павловна, тоже была поэтесса и тоже писала на религиозные темы. Они были влюблены в стихи друг друга. Иногда они устраивали у себя чтение «Таинственной капли»; это превращалось в настоящее священнодействие. Приглашались только достойные. В зале устраивалось возвышенное место, на нём ставился стол и два стула рядом; на столе зажигали свечи и ставилась сахарная вода. Самые восторженные поклонницы с таинственной осторожностью раскладывали фолианты рукописи. Для слушателей ставились кресла полукругом; все рассаживались заблаговременно. Вдруг все смолкали, и Фёдор Николаевич с Авдотьей Павловной всходили на эстраду. Засим неукоснительно происходил следующий разговор:

- Ma chere, кто начнёт?
- Ты, конечно, mon cher.
- Уверяю тебя, ma chere, ты гораздо лучше меня читаешь.

Наконец, кто-нибудь из них начинал, а затем его сменял другой. И муж, и жена читали совершенно одинаково: патетично, певуче, монотонно. «Никогда не забуду мучений, которые доставляли мне эти чтения!» — с ужасом вспоминает Екатерина Юнге.

Последние годы жизни Глинка провёл в Твери, где и умер.

Его Сочинения в трёх томах вышли в Москве, в 1869–1872 годах; Избранное (с послесловием Базанова) в Петрозаводске в 1949 году; наконец, Стихотворения (тоже издано Базановым) в Ленинграде, **1961**.

Сергей Глинка — издатель «Русского вестника». Патриотическое направление журнала сделало его популярным во время Отеч. войны; в дальнейшем журнал не пользовался успехом у передового общества. Пушкин братьев Глинок как не очень уважал. Он и Фёдора Глинку в послании «К В. Л. Пушкину» 1817 назвал «довольно плоским певцом».

Сергей Николаевич Глинка был в Москве цензором, но уволен от цензорства за то, что пропустил в № 10 «Московского телеграфа» за 1830 год сатирическую статейку «Утро у знатного боярина, князя Беззубого», задевавшую (под именем Беззубого) князя Юсупова. После увольнения Глинки князь Вяземский хлопотал за него, напоминая о роли «Русского вестника», к-рый в 1812 горячо боролся против галломании русского дворянства и призывал к самой ожесточённой борьбе с Наполеоном.

Религиозная поэзия

Б. Соколовский. «Мироздание», опыт духовного стихотворения, М., 1832. — Поэт описывает сотворение мира шесть дней. Поэма Соколовского посвящена «Ему, творцу миров».

Романтическое христианство в принципе началось с Шатобриана, но несводимо лишь к реакции на материализм, на французскую революцию, несводимо к реставраторской апологии мучеников и церкви. Прямыми предшественниками романтического христианства должны быть признаны великий Милтон и Бэниан.

Социальный смысл придаёт библейской тематике уже Державин (ода «Властителям и судиям» — переложение 81-го псалма).

Неоднократно отмечалось символическое толкование передовыми мыслящими людьми XIX века Ветхого и Нового Заветов, восприятие ими Библии как «книги высоких идеалов». (См. напр., В. Ванслов, «Эстетика романтизма», стр. 115–116). Религиозно-нравственные размышления над библейскими символами органически сочетались с самыми передовыми идеями времени.

Л. Гинзбург: «Идеальная сфера христианско-социальной справедливости, религиозно окрашенного гуманизма и утопической гармонии. . . »

Р. Г. Назиров: **христианский реализм Гоголя есть форма социального критицизма** (бессознательного и потому весьма противоречивого).

Христос — пример для героев и жертв освободительной борьбы. Они гордились своим «страдальческим венцом» (А. И. Одоевский, «Элегия»). Огарёв об А. И. Одоевском: «Может быть, он даже любил своё страдание, это совершенно в христианском духе. . . да не только в христианском духе, но в духе всякой преданности общему делу, делу убеждения. . . » — В духе **романтизма**, для которого характерен культ страдания. Альфред де Мюссе ярко сформулировал эту позицию:

Лишь горе испытав, душою мы растём.

Величие души — в величии страданья.

Образ Христа-Спасителя разрабатывается не в поэзии Одоевского а, например, в поэме Кюхельбекера «Агасвер» или в статье А. Бестужева о романе Полевого 2

«Клятва при гробе господнем». Стремление усматривать в теории Христа параллели деятельности декабристов свойственно им всем.

В. С. Киселёв-Сергенин (в «Истории русской поэзии», т. I, стр. 459–460) исследует религиозные тенденции декабристской поэзии.

Очень сильное влияние романтическое христианство оказало на Достоевского и Некрасова. У последнего есть знаменитый «Влас», но есть и революционно-христианское легенда о Кудеяре, и совершенно парадоксально стихотворение о Чернышевском, в конце которого сказано:

Его послал бог Гнева и Печали

Царям земли напомнить о Христе.

Завершается эта традиция «Двенадцатью» Блока. Впрочем, завершилась ли? То появляется Иешуа в романе Михаила Булгакова, то русский Христос в лаптях у синеаста Андрея Тарковского в фильме «Андрей Рублёв».

А Тютчев?

Достоевскому нравился епископ из «Отверженных» Гюго. Эстетское христианство неоромантизма (символизма) нередко было выражением той, великой традиции.

В русском реализме XIX века социальн-утопическая трактовка Христа (Антокольский и Крамской) противостояла историко-бытовой интерпретации (Ге и Поленов), на к-рую яростно обрушился Достоевский.

Практич. занятия по Рылееву

1. Истоки жанра «думы» Рылеева.
2. Новаторство Рылеева как создателя дум.
3. Тематика «дум».
4. Рылеевская интерпретация исторических деятелей прошлого. Герои «дум».
5. Худож. своеобразие «дум».
6. Стиль и язык «дум» Рылеева.

1. Поэма «Войнаровский» и её историческая тема.
2. Образы Петра I, Мазепы, Войнаровского.
3. Романтический герой поэмы.
4. Влияние Байрона в поэме «Войнаровский».
5. Стиль поэмы.

Декабристы.

Портреты, детали.

Поэты Пушкинской плеяды.

Эпоха

Вступительная статья

Декабристы — русские дворянские революционеры; почти исключительно офицеры, дворяне, участники Отечественной войны 1812 года.

Первое тайное общества — Союз спасения — возникло в 1816 в СПб; вскоре оно уступило место новому обществу — Союзу благоденствия. После распада последнего на Украине возникло Южное общество во главе с Пестелем, а в Петербурге — Северное общество во главе с Н. М. Муравьевым, позднее — с Рылеевым. В 1823 на Украине возникло Общество соединённых славян. Членов всех этих обществ объединяло стремление к уничтожению крепостного права и самодержавия. Декабристы были пламенными патриотами своей родины.

Среди декабристов не было единомыслия. Наиболее радикальные (Пестель) высказывались за установление демократической республики, другие (Н. М. Муравьев) — за конституционную монархию.

В момент междоусобицы, вызванного внезапной смертью Александра I, члены Северного общества подняли в СПб восстания (14 декабря 1825). Оно было быстро подавлено, как и восстание Черниговского полка на Украине (29 декабря 1825–3 января 1826). Пять виднейших декабристов: Пестель, Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский — были повешены. К следствию и суду привлечено 579 человек (из них 79 % военных). Свыше 100 декабристов было сослано в Сибирь.

Декабристская поэзия играет особую роль в истории русской литературы. Многие декабристы были поэтами (Рылеев, Раевский, Кюхельбекер, Бестужев-Марлинский, Александр Одоевский). Идейная близость к движению сказалась в творчестве поэтов, непосредственно не входивших в Тайное общество: Пушкин, Грибоедов, Вяземский, Языков и другие.

Первое требования декабристов — это требование гражданской поэзии, установка на революцию. В связи с этим возникало требование национальной самобытности и народности литература, обращение к летописям, песням и сказаниям русского народа.

Первоначально декабристы использовали формы уже существовавшей литературы. Особенно характерен для них гражданственный пафос классицизма. Но в теоретических статьях Бестужева, Рылеева, а также Вяземского и Ореста Сомова излагалась преимущественно теория гражданского революционного романтизма, с её требованиями воображения, исключительных положительных героев, повышенной эмоциональности и экспрессивности.

Сатиры и оды декабристы учились писать у Державина и Радищева; но и опыт Батюшкова не прошёл для них бесследно. Его жанры они трансформировали в своих целях: интимно-дружеские послания у них превращались в политические, застольные песни становились революционными гимнами.

Примечательна попытка найти лит. формы, понятные народу — агитационные песни Рылеева и Бестужева, адресованные солдатам.

Политические движения эпохи: карбонарии, греческие этеристы, испанские революционеры и т. д. — вдохновляли декабристов на произведения, полные волнующих аналогий. Подобным же образом эксплуатировалась русская история, особенно её героические страни-

цы национально-освободит. борьбы. Декабристы охотно обращались и к библейским темам: напр., «Давид» Грибоедова, «К богу» Кюхельбекера, «Опыты священной поэзии» Глинки.

С начала 20-х гг. декабристская поэзия осложнилась новыми мотивами: всё чаще звучат сетования на общественную пассивность, горестные раздумья об исходе начатой борьбы. Чувство оторванности от народа, обречённости движения привело некоторых его поэтов к капитуляции перед режимом:

Столетия грозно протекут,
И не пробудится Россия.

Так писал Языков в 1821 году. Позднее он отрёкся от своих декабристских взглядов. Сходной была эволюция Дениса Давыдова и князя Вяземского. Для других чувство обречённости даже усиливало активный революционный романтизм, рождая идею самопожертвования ради грядущих поколений (см. «Исповедь Наливайки» Рылеева).

Хотя в декабристской поэзии преобладали лирические жанры, декабристы стремились и к эпическому изображению героя в жанре романтической лиро-эпической поэмы. Их предшественником в этом был Катенин. Рылеев развивал линию Катенина и вместе с тем опирался на опыт «южных поэм» Пушкина и через них на творческий опыт Байрона; «южные поэмы» высоко ценились декабристами, близость этих поэм к декабристской идеологии заключалась в пафосе свободы, который романтически утверждался Пушкиным.

«Южные поэмы» выявили особое в течение внутри декабристского романтизма, представленное также вольнолюбивыми стихами Пушкина, Вяземского и др.; оно отличалось преимущественно психологическим содержанием в отличие от открытой политической направленности основной группы поэтов-декабристов.

Наиболее последовательно литературная программа декабристов осуществлена в 25 думмах Рылеева и его поэмах. Думы Рылеева — оригинальный жанр, найденный поэтом, хотя они зависят от оды классицизма, украинских народных дум, «Исторических песен» польского поэта Немцевича, от поэм Пушкина и Байрона. Пафос этих дум — революционный патриотизм. Рылеев, в рамках своего романтизма, не мог соблюдать подлинной историчности; все его герои соответствуют лишь его представлению о желаемом. Произведения Рылеева послужили образцами для многих гражданских поэм А. Бестужева, Ф. Глинки, Кюхельбекера, А. Одоевского, Г. Батенькова и др., написанных после 1825 года.

Сильная личность в поэмах Лермонтова также несёт следы творческого переосмысления героев Рылеева в новых условиях 30-х годов.

Романтизм декабристов (их идеологии и литературы) обусловил незначительность декабристской прозы. К ней можно отнести повесть Глинки «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» (1819), а также «Землю Обетованную» и «Адо» (1824) Кюхельбекера. Наиболее же характерны написанные до восстания 1825 повести А. Бестужева. Наряду с обычной для декабристской литературы тематикой («Роман и Ольга», 1823, из истории вольного Новгорода) повести Бестужева черпают материал из жизни средневе-

ковой Ливонии и современного светского общества. В центре его повестей — человек сильной воли, глубоких чувств, противопоставленный обществу.

В недрах декабристской литературы, в основном романтической, возникли и первые произведения реалистической литературы (Грибоедов, Пушкин в «Цыганах» и «Онегине»). Декабристская поэзия явилась этапом в развитии революционной гражданской поэзии в России.

[Этот обзор сделан по статье У. Р. Фохта].

Далее статьи о писателях-декабристах и их попутчиках в алфавитном порядке. Вкратце даются также сведения о декабристах, не игравших роли в литературе. Это делается для уяснения фона.

Основные фигуры декабристской литературы: Батеньков, Бестужев, Фёдор Глинка, Кюхельбекер, Александр Одоевский, Владимир Раевский, Рылеев и Александр Тургенев.

Итак, приступим к составлению словаря.

Декабристы

Ранние организации начали возникать сразу после войны 1812 года. В сожжённой главе «Евгения Онегина» Пушкин писал:

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов,
Казалось...
Узлы к узлам...
И постепенно сетью тайной
Россия...
Наш царь дремал...

Этой «сетью тайной» явились: офицерские артели в полках, Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное и Южное тайные общества. Побочной «управой» (филиалом) Союза Благоденствия стала «Зелёная лампа». Это вольное литературное братство основали братья Всеволожские, а входили в него Пушкин, Дельвиг, Фёдор Глинка, Гнедич, Барков, Улыбышев и др.

Ещё за 4 года до восстания первой жертвой стал поэт и штаб-офицер Владимир Федосеевич Раевский, вошедший в историю под именем первого декабриста. Пушкин жил

в то время в Кишинёве, в доме Инзова. Случайно узнав о скором аресте Раевского, Пушкин предупредил об этом друга. Но уже на другой день (6 февраля 1822) Раевский был арестован. Он прошёл пять военносудных комиссии, пробыл 50 лет в крепостных казематах, каторжных тюрьмах и ссылке. Раевский держался мужественно и стойко; следствию ничего не удалось от него узнать о существовании тайных обществ.

13 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости были повешены К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин и Т. Г. Каховский. В июле и августе 1826 года фельдъегерские тройки начали увозить декабристов из Петропавловской крепости в Сибирь, на каторгу. Всего было отправлено туда 120 человек.

Это были мужественные люди. Оказавшись перед Николаем I, они держались гордо и независимо. Николаю Бестужеву, старшему из пяти братьев-декабристов, император сказал:

— Вы знаете, что всё в моих руках. Я мог бы простить вас, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, то готов простить. . .

— Ваше величество! Ответил Бестужев. — В том-то и несчастье, что вы всё можете сделать, что вы выше закона. Желая, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности. . . ваших капризов или минутных настроений. . .

Ещё смелее в присутствии Николая ответил И. Д. Якушкин генерал-адъютанту Левашову:

— Нам известно, — сказала Левашов, — что на совещании ваших товарищей на вас пал жребий убить. . .

— Ваше превосходительство, — перебил Якушкин, — это не совсем справедливо. Я вызвался сам нанести удар императору и не хотел уступить этой чести никому из товарищей. . .

Фаворитка Александра I

В «Истории одного города, по подлинным документам изданной М. Е. Салтыковым (Щедриным)» среди градоначальников есть и Эраст Андреевич Грустилов, статский советник и друг Карамзина. В его правление Глупов охватила безумная тяга к многобожию, и обыватели творили всевозможные непотребств. Вывести Грустилова и глуповцев из заблуждения призвана аптекарша Пфейфер, которая является градоначальнику в разгар языческого маскарада. . .

В образе Грустилова угадываются некоторые черты Александра I, у аптекарши Пфейфер тоже был отдалённый прототип — баронесса Варвара-Юлия Крюденер.

Девушка Фитингов родилась в 1764, получила недурное воспитание; по материнской линии она была внучкой фельдмаршала Миниха. В 19 лет богатую невесту выдали за барона фон Крюденера, дипломата. Супруги жили в Венеции, Копенгагене, Париже. Во время этих служебных скитаний баронесса завязала множество знакомств с европейскими знаменитостями, включая мадам де Сталь и Шатобриана. Красивая, умная и находчивая баронесса

Крюденер блистала в салоне мадам де Сталь. Затем она решила взяться за литературу. В подражание максима Ларошфуко она издала «Мысли иностранки», в подражание Бернардену де Сен-Пьеру — несколько пасторалей; в подражание «Корине» мадам де Сталь — роман «Валерия».

Баронесса Крюденер заказала стихи, прославляющие роман, а когда последний вышел в свет, объезжала инкогнито галантерейные лавки и всюду спрашивала зонты и перчатки *a la Valerie*. В результате книга имела шумный успех, а парижские галантерейщики выпустили в продажу соответствующие зонты и перчатки. Но баронессе этого было мало: она хотела, чтобы её оценил сам Наполеон. Три раза она посылала ему роскошно переплетенные экземпляры «Валерии», но отзыв Наполеон гласил: читать романы в письмах могут лишь женщины, не знающие, куда девать время.

В это время в Европе доживал свой век знаменитый мистик Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг, предвещающий скорое наступление тысячелетнего царства божьего на земле (приход его намечался на 1836 год). Баронесса Крюденер познакомилась с ним и стала его последовательницей. С благословения Штиллинга она развернула необыкновенную деятельность и разъезжала «по делам Царства Божьего» из страны в страну. В одном немецком городке её экзальтированная проповедь так потрясла жителей, что целыми общинами они продавали свою имущественность и отправлялись на поиски места для Нового Иерусалима. По мнению Юнга-Штиллинга, это место было где-то возле горы Арарат. Ближайшими помощниками баронессы были мошенник Фонтан и помешанная крестьянка Мария Куммер, которая время от времени впадала в экстаз и начинала пророчествовать.

Наконец, баронесса сама начала пророчествовать. Она прежде всего предрекла поражение Наполеона, а его победителем назвала Александра II. После войны 1812 года царь хотел познакомиться с удачли-¹.

Встретились они в Гейльбронне. Царь был в плохом настроении, так как только что узнал о бегстве Наполеона с Эльбы. Трёхчасовая беседа с баронессой Крюденер придала ему новые силы, и он «дал себе слово продолжать столь дорогое знакомство». Они вместе читали Библию, молились, исповедовались друг другу. Александра пригласил баронессу на парижской смотр своих войск, оказав ей чуть ли не царские почести.

Перед отъездом в Россию царь захотела воздать богу «хвалу, которой мы обязаны ему за оказанное покровительство, и призвать народы в повиновение Евангелию». Это была первая мысль о Священном Союзе. Некоторые историки саму идею союза приписывают баронессе Крюденер. Слава её приобретает всё более скандальный характер.

В 1818 она воспользовалась давним приглашением царя и приехал в Россию. Но здесь её ожидал холодный прием: Александр уже охладил к мистике. В России баронесса жила сравнительно тихо, сочиняя религиозные гимны и невнятные пророчества.

Князь Александр Иванович Одоевский (1803–1839) — поэт, декабрист. Родился в Москве, получил домашнее образование, поступил на гражданскую службу, но вскоре её оставил и в

¹Окончание предложения отсутствует. Возможно, «с удачливой пророчицей».

1821 поступил в конный лейб-гвардейский полк; в 1823 произведён в корнеты. Принятый Рылеевым в члены Северного общества, Одоевский «лично действовал в мятеже с пистолетом в руках». 15 декабря 1825 он был арестован, предан суду и сослан в Сибирь, где пробыл до 1837 года. Высочайшим повелением Одоевский был переведён рядовым на Кавказ, где умер от малярии или тифа.

На всех, знавших его, Одоевский производил чарующее впечатление. Друг детства Грибоедова, он на Кавказе близко сошелся с Лермонтовым, который написал на его смерть чудное стихотворение «Я знал его: мы странствовали с ним. . . »

Как поэт, Одоевский принадлежал к пушкинской плеяде. Жизнь наложила меланхолический отпечаток на все его произведения: короткие лирические элегии, думы и стансы, простые, неподдельные, скорбные песни поэта. Но скорбь эта — не жалобы сломленного судьбой характера, это скорбь о страданиях человека, громкий призыв к милосердию и любви. Одоевский написал также небольшую поэму «Василько». Стихи Одоевского были впервые собраны и изданы в России декабристом А. Е. Розеном.

Жёны декабристов, поехавшие за мужьями в Сибирь

1. Мария Николаевна Волконская, урожд. Раевская, воспетая Некрасовым в поэме «Русские женщины». Её муж князь Сергей Григорьевич Волконский, бывший флигель-адъютант, генерал 23-х лет, участвовал в кампании 1812 года, постоянно находясь при государе или главнокомандующем. Верховный уголовный суд отнёс его к первому разряду преступников и приговорил к смерти, но император помиловал, назначив вечные каторжные работы. Вместе с Трубецким Волконский попал на винокуренный завод около Иркутска. Далее — Нерчинск, Чита, Петровский завод. По новым распоряжениям, по окончании срока каторги поселён в Иркутске. В Сибири имел детей. Возвращён в 1856; княгиня умерла в 1863. Сам Волконский умер в своем имении Черниговской губернии в 1865.

2. Екатерина Ивановна Трубецкая, урожд. графиня Лаваль. Князь Трубецкой был полковником лейб-гвардии Преображенского полка и дежурным штаб-офицером 4-го пехотного корпуса, одним из основателей тайного общества, согласился возглавить восстание, но 14 декабря не явился на площадь по слабости характера. В этот день он искал убежища у своего родственника графа Лебцельтерна, австр. посланника; по приказу Николая Павловича, к графу за Трубецким явился Нессельроде, и посланник вынужден был выдать Трубецкого. Верховный Уголовный суд отнёс Трубецкого к 1-му разряду, что означало смертный приговор, но император отменил смертную казнь и назначил каторжные работы без срока.

В Сибирь Трубецкой, как и Волконский, попал с первой партией декабристов (кроме них двоих ещё Артамон Захаревич Муравьёв, Василий Львович Давыдов, Александр Иванович Якубович, двое Борисовых и князь Оболенский, всего 8 человек. Эту первую партию послали через 11 дней после сентенции. Трубецкой был назначен на казённый винокуренный завод в 70 верстах от Иркутска, но вскоре всех восьмерых первых ссыльных привезли в Иркутск и затем отправили в Нерчинск. Из Нерчинска Трубецкой был переведён с остальными

в Читу и Петровский завод. В 1838 кончился срок работ, и в 1839 Трубецкой был поселён в Иркутске. В Сибири имел детей. Княгиня умерла в 1854 в Иркутске и была похоронена в тамошнем девичьем монастыре.

В 1856 коронационный манифест Александра II дал декабристам свободу. Князь Сергей Петрович Трубецкой вернулся в Россию. В Москву наезжал только с разрешения полиции и держался замкнуто. В 1860 умер в Москве.

3. Елизавета Петровна Нарышкина, урождённая графиня Коновицына, дочь известного генерала 1812 года. Брат её подпоручик Коновицын был отнесён Верховным судом к числу преступников 9-го разряда и осужденных к лишению прав и ссылке в Сибирь; последнее Николай заменил др-ой мерой — всех преступников этого разряда он велел, по лишении дворянства и чинов, разослать солдатами в дальние гарнизоны. Коновицын 1-й был солдатом в Сибири, потом на Кавказе и умер в 1850 прапорщиком. Умирая, Милорадович просил царя помиловать Коновицына, сына своего друга.

Коновицын 2-й, 16 лет, был тоже сослан на Кавказ, потом прощён.

Муж Елизаветы Петровны — полковник Нарышкин; из Сибири был переведён на Кавказ солдатом, потом, по просьбе его сестры Тучковой, игумении Спасо-Бородинского монастыря, прощён в 1840 году и умер в 1863.

Первоначально Нарышкин был с остальными в Чите и Петровском заводе, а в 1832 вышел на поселение, как и прочие преступники 4 разряда. На поселении жил в Кургане. Нарышкина в Сибири очень тосковала, так как перед самым отъездом из Москвы у неё умерла её дочь, а её братьев не было среди товарищей мужа по заключению.

4. Н. Д. Фон-Визина, урождённая Апухтина. Её муж Михаил Александрович Фон-Визин (1788–1854) в 1812 году был адъютантом генерала Ермолова, в 1823 вышел в отставку в чине генерал-майора. Также известный декабрист.

5. Александра Григорьевна Муравьёва, рожд. Чернышёва, жена известного Никиты Михайловича Муравьёва. Её брат граф Захар Григорьевич Чернышёв, наследник огромного майората, находился в ссылке вместе с её мужем. Никита Муравьёв, основатель и автор устава Союза спасения, с 1821 глава Северного общества, автор конституции декабристов, «преступник первого разряда», смертный приговор, заменённый каторгой. Он умер в 1844 году в возрасте 48 лет. А. Г. Муравьёва умерла в Сибири, в Петровском заводе, в 1832 году.

6. А. В. Ентальцева — жена подполковника Ентальцева. Сперва он был поселён в Ялуторовске, затем переведён на Кавказ и сошёл с ума.

Эти шестеро были первые, приехавшие в Сибирь. Затем к ним присоединились баронесса Розен (7) и Юшневская (8).

Жене Якушкина, рождённой Шереметевой, не было позволено приехать.

Затем Анненков женился в Чите на французенке Поль¹, очень красивой девушке, любившей его ранее. С нею составляется **девятиеро жён декабристов, поехавших в Сибирь**.

¹Их историю путают с историей брака декабриста Василия Петрович Ивашова и французенки Ледантю.

В феврале 1827 на декабристов в Сибири на деле железа, вопреки законоположениям, освобождающим от этого лиц привилегированного сословия. Цепи сняли в апреле 1831. Нарушение закона было сделано по личному распоряжению императора.

Декабристы в Сибири

Всех декабристов в Чите было 88 человек. Кто были эти «жители Читинской тюрьмы»?

Первое восьмёрка уже названа: Трубецкой, Волконский, Артамон Захарьевич Муравьёв (полковник Ахтырского государства гусарского полка, Южное общество, 1-й разряд, смертный приговор, помилование, винокурный завод, Нерчинск, Чита, Петровский завод, с 1839 на поселении в Иркутске, в Сибири занимался медициной), отставной полковник Василий Львович Давыдов, Александр Иванович Якубович, его друг князь Евгений Петрович Оболенский и двое Борисовых. Первый из них — отставной подпоручик, второй — подпоручик 8-й артиллерийской бригады; основатели Общества соединённых славян, умышляли царевубийство, отнесены к 1-му разряду (с 1839 — на поселении в Иркутске, в Сибири составили коллекцию насекомых и отослали московскому профессору Фишеру).

Позднее после 20-месячного заключения в Шлиссельбурге приехал коллежский ассессор Иван Иванович Пущин, лицейский друг Пушкина; в Шлиссельбурге он содержался вместе с Вишневым, Дивовым, Пестовым и Николаем Александровичем Бестужевым, братом Бестужева-Марлинского. Пущин был 14 декабря на Сенатской площади. Он дожил до амнистии и умер в 1859 году.

В Читинской тюрьме находился подполковник Михаил Лунин, которого ожидал в дальнейшем повторный суд и Акатуй; известный издатель сборника «Русская старина» Корнилович — но его уже в 1827 году отправили с фельдъегерем на Кавказ, и в 1835 году он умер солдатом от горячки, т. е. простудился, спасая утонувшего в реке товарища-солдата; Александр Александрович Бестужев-Марлинский, которого в 1837 году на Кавказе (уже офицера) изрубили черкесы; Никита Муравьёв и его родственник граф Чернышёв; лейтенант Завалишин, которому суждено было прожить весьма долгую жизнь и оставить записки (равно как Пущин) о 14 декабря; корнет Свистунов, тоже проживший до конца почти XIX века; поручик Басаргин (впоследствии тоже автор аналогичных записок); а также барон Штейнгель, барон Розен, подполковник Фаленберг и мичман Беляев — все четверо оставили записки; князь Одоевский, известный поэт, поселённый в Иркутске, затем переведённый на Кавказ, солдатом, в Нижегородский драгунский полк, там был другом Лермонтова, умер чахоткой в 1839 году; Александр Николаевич Муравьёв, родной брат известного Михаила Николаевича Муравьёва (будущего «Вешателя») — этот декабрист умер сенатором в Москве в 1863; подполковник Матвей Иванович Муравьёв-Апостол, брат повешенного.

В 1832 сгорели в Верхоленске Андреев и штаб-капитан Репин.

Сошли с ума: Ентальцев, Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин, капитан Фурман, князь Шаховский, поручик Шахирев, полковник Раменский, Пётр Александрович Бестужев. Семеро.

В 1818 возникла «Зелёная лампа» — литературный филиал «Союза благоденствия»; существовала два года.

«Вольное общ-во любителей русской словесности» (1816–1825) стало декабристским с 1819, когда его президентом был избран Фёдор Глинка, видный деятель «Союза благоденствия».

Декабристы печатались в журналах «Сын отечества», «Соревнователь просвещения», «Невский зритель». Чисто декабристским был альманах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда» (1812–1825).

Декабристы

Поэты-декабристы: Кондратий Рылеев, Вильгельм Кюхельбекер, А. И. Одоевский и др.

Кондратий Фёдорович Рылеев равно отвергал и романтизм, и классицизм. Его идеалом была «истинная самобытная поэзия», распространяющая высокие чувства, мысли и вечные истины. На практике это соответствовало его мужественной и суровой гражданской лирики, проникнутой идеями дворянской революционности и использующей формы, приёмы и настроения классицизма. Ода и сатира — любимые жанры Рылеева (впрочем, он писал и слабые стихи во вкусе Анакреонта, Тибула и Парни, а его «Войнаровский» Сакулин считает байронической поэмой). В письме к Пушкину от 12 февр. 1825 года Рылеев говорит о Жуковском: «Мистицизм, которым проникнута большая часть его стихотворений, мечтательность, неопределенность и какая-то туманность, которые в нём иногда даже прелестны, растлили многих и много зла наделали». В ноябре 1825 года Рылеев писал Пушкину: «Будь поэт и гражданин».

В гражданских «думах», поэмах и лирических стихах Рылеев воспевал гражданскую доблесть и славил свободу. Знаменитое послание «К временщику» (1820) поразило современников своей смелостью, и Аракчеев не посмел ничего предпринять, чтобы не признать сходство портрета с оригиналом. Его «Сусанин», «Наливайко», «Войнаровский» и др. в образах русской истории славили борьбу за свободу. «Войнаровский» и ода «Гражданин» («Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан. . .») относятся к 1825 году. В 1823–1825 годах Рылеев и А. Бестужев издавали альманах «Полярная звезда», объединявший таких поэтов, как Пушкин, Грибоедов, Гнедич, Вяземский, Фёдор Глинка, Баратынский, Денис Давыдов.

Современные советские исследователи считают, что поэзия Рылеева — своеобразная разновидность революционного романтизма.

[Одно в время Рылеев был близок к масонам. Был другом Пушкина. . .]

Вильгельм Карлович Кюхельбекер, Лицейский товарищ Пушкина, поэт тяжёлый, искренний и честный.

Якубович

Александр Иванович Якубович (1792–1845) — одна из самых романтических личностей пушкинской эпохи, байронический герой, приятель Пушкина. Он участвовал в 1817 году в знаменитой парной дуэли из-за балерины Истоминой, когда граф Завадовский смертельно ранил Шереметева, а Якубович прострелил руку Грибоедову. Сословный за это на Кавказ, Якубович стал одним из «кавказских героев».

В 1823 году Якубович перенёс тяжелую операцию: он был на Кавказе ранен в лоб и после этого стал носить на голове черную повязку, прикрывавшую полученную им рану пулей — круглое отверстие во лбу. В Петербурге он посещал дом актёра брянского, и его дочь Авдотья Панаева вспоминает:

«Должно быть, он любил детей, потому что постоянно подзывает к себе кого-нибудь из нас. Для детей его фигуры было страшно. Якубович был высокого роста, смуглый, с большими черными усами; но главное, что нас страшило, это чёрная повязка на лбу, прикрывающая полученную им рану пулей. Я была из смелых детей, не боялась его и часто подолгу сидел у него на коленях; он давал мне играть своими часами и чугуном кольцом, которое снимал с пальца. <... >

Якубович постоянно спорил со всеми и очень горячился, когда говорил. Часто, сильно разгорячась, он сдвигал свою чёрную повязку со лба на волосы, которые у него были черные, густые и стояли дыбом, и я всякий раз рассматривала круглое углубление у него на лбу и даже раз ткнула пальцем в это углубление, чтобы удостовериться, есть ли там пуля. Он очень смеялся и защищал меня, когда тётки накинулись на меня и хотели наказать за мою дерзость».

Якубович был капитаном Нижегородского драгунского полка. Он очень сдружился с декабристом князем Оболенским, с которым познакомился у постели умирающего Чернова. На похоронах Чернова впервые собрались вместе все члены тайного общества. Якубович не числился членом общества, но в 1825 году принял самое деятельное участие в подготовке к восстанию и был 14 декабря на Сенатской площади. Говорят, что он вступил в Сев. общество накануне восстания и вызвался убить царя.

Верховный уголовный суд отнёс драгунского капитана к преступникам первого разряда. Вместе с товарищами Якубович отправился на каторгу. Но его чрезвычайно энергичный характер проявился и в Сибири. В 1839 году, по окончании срока каторжных работ, он был поселен в Енисейске. Там этот байронический герой устроил мыловаренный завод, средства на организацию которого получил от своего друга князя Оболенского, и жил безбедно. Оболенский дал ему 2.500 рублей: значительная сумма к тому времени

Александр Иванович Якубович, капитан знаменитого Нижегородского драгунского полка, был члк умный и образованный, но коварный и беспринципный. В молодости служил в гвардии, сослан на Кавк. За парную дуэль (Завадовского с Шереметевым). Грибоедов, секунданта Завадовского, служил в канцелярии Ермолова и снискал его дружбу. Якубович

вызвала Гр-ва в Тифлисе и ранил в левую руку (говорили, что нарочно, дабы лишить его удовольствия играть на фортепиано).

Якубович храбро сражался с горцами, был ранен в голову и приехал в СПб летом 1825. Ходил с повязкой на голове, говорил громко, свободно, красноречиво. В Якубовиче декабристы видели «Дантона новой революции». Он не вступил в общество, но обещала ему свои услуги. **Действовал двулично.**

На площади он подходил к государю и предлагал ему свои услуги, чтобы убедить мятежников сдаться. Государь поручил ему сказать им, что дарует прощение всем, кроме главных зачинщиков. Якубович пошёл к ним и, воротясь, донёс, что они не соглашаются. Он заговорил ещё что-то в пол голоса. Государь наклонился, чтобы его выслушать. Вероятно, Якубович имел намерение убить государя, но у него ни стало духу к исполнению. Вечером приехал он в дом генерал-губернатора, чтобы узнать, что делает граф Милорадович. В это время ехал в графу, лежавшему в конно-гвардейских казармах, адъютант его Александр Павлович Башуцкий. Якубович предложил свезти его в своей карете четвёркою. Башуцкий согласился и, войдя в карету, почувствовал, что сел на pistols.

— Это что?

— Они незаряженные, — сказал Якубович. — Бунтовщики хотели меня убить за то, что я не соглашался войти в разговор с ними». (473 у Греча, нет: 472–473).

Пётр Александрович Муханов, гвардии-офицер, образованный и неглупый добряк, любезный в обществе, забавник и шутник, известный в своём кругу под кличкой ротмистр Галла, запутался в тенетах, вероятно и сам того не зная. Доболтался до беды: он двоюродный брат знаменитого форшнейдера просвещения. Жаль, что не сослали этого...» (Греч, 509).

Александр Фёдорович фон-дер-Бриген, полковник Измайловского полка, пострадал лишь из-за того, что сообщил князю Трубецкому в Киеве о дерзких фанфаронадах Якубовича, который вызвался убить Александра I.

Словник.

- Баратынский
- Батеньков
- Бестужевы.
- Бестужев-Рюмин
- Волконский
- Вяземский
- Глинка Фёдор
- Гнедич

- Грибоедов
- Давыдов
- Каховский
- Кюхельбекер
- Муравьёвы
- Муханов
- Нарышкин
- Оболенский
- Одоевский (Александр)
- Орлов
- Пестель
- Пуцин
- Раевский В. Ф.
- Рылеев
- Толстые?
- Трубецкой
- Тургенев Н.
- Фонвизин
- Штейнгель
- Языков
- Якубович
- Якушечкин
- Аренский?
- Горин?
- О поэзии декабристов,
- об Александре одоевском...

- Восстание 14 декабря
- Суд и казнь
- Фрагменты об А. И. Одоевском

Любомудры были пропитаны Шеллингом, в частности князь Владимир Одоевский, кузен поэта-декабриста. О Шеллинге Александр Одоевский пишет Владимиру в письмах от 2 марта 1823 и 10 октября 1824 (первое написано в шутливо-ироническом тоне). Автор писем различает Шеллинга и его эпигонов или поклонников, говоря, что в огне Шеллинга нужно «не жариться, а гореть». «Корифей мыслит, а в смысле его лепечут». (10 окт. 1824).

10 октября 1824: «Худо перенятое мудрствование отражается в твоих вечных восклицаниях и доказывает, что кафтан не по тебе». Он ничего не имеет против «теории полезной и прекрасной, но не заменяющей самостоятельности». Его не удовлетворяет философско-умозрительная настроенность Владимира Одоевского.

Отношение Ал. Одоевского к Шеллингу подтверждает «историческую возможность таких сочетаний, как Шеллинг и декабризм». (Б. Эйхенбаум. Лит-рная позиция Лермонтова. — Лит. наследство, т. 43–44, стр. 16). Александр Одоевский не делает из Шеллинга идола, как его кузен, требует «отличать плевелы от зёрен».

Любомудр Веневитинов стремится творчески переработать учение Шеллинга в соответствии с характерной для любомудрия «активизацией стремления к бесконечному» (Ю. Манн. — О левом любомудрии см. у Юрия Манна «Русская философская эстетика», М., 1969).

С др-й стороны, у декабриста Блюхера в дневнике записано о Шеллинге: «Какая глубина и какая ясность! Преклоняю колени перед великим мыслителем!» («Дн.», изд-во Прибой, 1929, стр. 230).

Ал-др Одоевский и Кюхельбекер пытались вовлечь Влад. Фёдоровича в тайное общество. Эта попытка была безрезультатна. Но после 14 декабря В. Ф. Одоевский ждал ареста; по свидетельству современников, он даже запасся медвежьей шубой (!!).

Александр Одоевский, знатный и богатый аристократ, примкнул к рылеевской «отрасли» в тайном обществе. Главной задачей он считал свержение самодержавия путем «военной революции» и установления республики.

Революция во имя народа, но без народа. Даже Рылеев боялся «ужасов народной революции». Александр Одоевский стоял за отмену крепостного права, но когда в его вотчине мужики уклонялись от уплаты оброка, декабрист обратился за помощью к власти (его письмо к ярославскому губернатору А. М. Безобразову от 20 августа 1824).

В Северном обществе Одоевский принадлежал к разряду «убеждённых» («первому разряду», по формулировке М. Муравьёва-Апостола), к-рые, по сравнению с «соединёнными», имели большие права: выбирали Верховную Думу, принимали новых членов, требовали отчёт о действиях Думы и всего общества.

Далеко не каждому члену общества давалось знать о конституции Никиты Муравьёва. «Конституция сия находилась некоторое время у каждого из главных членов Общества», —

показывал позже Никита Муравьёв. Перед отъездом из СПб в сентябре 1825 он отдал одну копию своей конституции Александру Одоевскому.

На квартире Одоевского иногда происходили совещание декабристов, здесь же переписывали в агитационных целях «Горе от ума».

Он вёл агитацию в своём Конногвардейском полку и был тесно связан с его офицером кн. А. А. Суворовым.

Квартира больного Рылеева стала штабом восстания. Одоевский навещал его. Был ли он на последнем совещании у Рылеева 13 декабря 1825 — на этот счёт мнения расходятся. Сам Одоевский своё алиби подтверждает тем, что «накануне происшествия. . . стоял во внутреннем карауле» Зимнего дворца. Да, он вступил на суточное дежурство в Зимнем рано утром 13 декабря и не мог быть на последнем совещании.

Видимо, Рылеев поручил Одоевскому достать план Зимнего и карту СПб не на этом совещании, а раньше.

Знаменитое восклицание Одоевского: «Умрём! Ах, как славно мы умрём!» — на одном из последних собраний декабристов. По показанию А. Бестужева, это было 12 декабря: Одоевский сказал: «Умрем славно за родину!» «Подобное сему было говорено многими», заявляет Рылеев. Сам он сказал: «Я уверен, что погибнем, но пример останется».

Это знаменитое восклицание князя Одоевского выражает жертвенный характер восстания (**концепция обречённости**). А. Мэйзауэр видел в этих словах «любопытный пример гражданского героизма с сильным оттенком восточного фатализма».

Около 7–8 часов утра кн. Одоевский сменился с караула и хотел идти сразу домой, хотя должен был вести конногвардейский караул к присяге в полковую церковь: «Ступайте домой, а мне не время вас вести». — Но конногвардейцы непустили его, и Одоевскому пришлось идти с караулом и вместе с ним присягнуть на верность Николаю.

Дома он переоделся, вооружился пистолетом, а второй дал Кюхельбекеру; друзья жили вместе. Они вдвоём поехали к Рулееву; оттуда Одоевский отправился на Сенатскую площадь, увидел, что там ещё никого нет, и отправился к конногвардейцам. Приказ Николая I о выезде Конной гвардии на площадь не был выполнен во время благодаря Одоевскому (он бегал по конюшням и кричал, что это фальшивая тревога, приказ отменён).

Одоевский участвовал в построении прибывших на площадь москвитцев в боевое каре (вместе с Оболенским, Щепиным-Ростовским и Бестужевыми). Затем выделили заградительную стрелковую цепь — и командовать ей поручили Одоевскому. Но тут же его послали к лейб-гренадерам, к-рые уже присягнули. Корнет Одоевский отыскал офицеров-декабристов и стал их корить за измену своему слову. Тогда декабристы Сутгоф и Панов привели на площадь около 1250 лейб-гренадер, что составило большую часть восставших.

Конная гвардия осталась верна режиму. Когда она пришла на площадь, из мятежного каре выступил офицер Конного полка Александр Одоевский и крикнул: «Конногвардейцы, неужели вы хотите проливать русскую кровь?»

Когда раздался выстрел Каховского в Н. К. Стюрлера, оглянувшийся солдат, увидев пистолет в руке стоявшего рядом с Каховском Одоевского, подбежал к нему и поцеловал его, решив, что стрелял Одоевский.

Кюхельбекер, собираясь выстрелить в командующего гвардейским корпусом А. А. Воинова, присланного к восставшим на переговоры, спрашивал, который Воинов. Отвечали ему, по показаниям Цебрикова, «офицер в шинели, с белым султаном, и другие». Комитет допытывался, был ли это Одоевский. Кюхельбекер ответил отрицательно.

Кюхельбекер отрицал и показания матросов гвардейского экипажа, что «молодой человек в конногвардейской шинели с красной петлицей и жёлтой пуговицей и в шляпе с белым султаном» сказал после неудавшегося выстрела Кюхельбекера в Великого Князя: «Погодите маленько, скорее дело кончим» (в др-м варианте: «Ребята, скорей бы дело кончили»). Одоевский отрицал всё это и утверждал, что не видел, как Кюхельбекер целился в Михаила.

«Молодой человек в конногвардейской шинели» был Александр Одоевский. В целом на Сенатской площади он действовал активно.

Около 4 часов (по расчёт М. В. Нечкиной) загремели пушки Сухозанета. Картечь разстроила и разогнала восставших. Одоевский пошёл по Галерной через переулок на Неву, перешёл по льду на Васильевский к Чебышеву. Это был его знакомый (не декабрист), он советовал сдаться.

За помощью Одоевский обратился к А. А. Жандру, к-рый дал ему гражданскую одежду и 700 руб. денег. Одоевский пошёл в Катерингоф, где купил тулуп и шапку, и прошёл к Красному селу. Свою прежнюю одежду намеренно **оставил у проруби**. Показания услуги Карамышева: «Александр Иванович ночью пробежал в каморку повара-блинника при своём доме и переделся в одежду этого своего слуги. . . и пошёл на Неву-реку. . . положил Александр Иванович у пробоины свою офицерскую одежду и оружие. . . Пусть думает царь, что Одоевский утопился».

Поль Лакруа сообщает, что ночь с 14 на 15 декабря Одоевский провёл под мостом, где чуть не погиб от холода.

Николай уже знал о его роли в восстании. Сохранилась его записка к Бенкендорфу: «Якубовского и офицера Конной Гвардии К. Одуевского равно адъюта Г. Бистрома К. Оболенского взять и доставить ко мне где сыщутся». (Орфография подлинника).

На квартире кн. Одоевского была устроена засада из 10 члвк., 15 дек. объявлено домовладельцам 4-го квартала о розыске Одоевского и обязательном донесении квартальн. надзирателю.

Измученный Одоевский вернулся в СПб и явился к своему дяде, Д. С. Ланскому, который и выдал его А. С. Шульгину, петербургскому обер-полицмейстеру. В письме к Николае I Одоевский позже подчёркивал, что сдался добровольно. Арестовали его поздно вечером 16 декабря.

Первый допрос состоялся 17 декабря. Одоевский был в изнеможении. Обстановка Зимнего дворца — «съезжей», где «придворная челядь» и «блестящая толпа гвардейцев», превра-

тившись «в наглую дворню буяна хозяина» (М. Бестужев), глумилась над декабристами — доконала его. «Пройдя через ряд комнат дворца совершенно обруганным, я был, вполне естественно, в совершенном замешательстве, какого ещё родясь не испытывал. . . был ума лишён от стыда, поругания, от совершенного телесного изнеможения. . . не только оправдываться, но и говорить не был я в состоянии». Первый допрос снимал Левашёв, но на какой-то момент появился царь и так принял Одоевского, что тот «стоял, как окаменелый». Ненависть царя к Одоевскому была обострена тем, что «этот злодей» 13 декабря охранял его (из разговора Николая с А. И. Левашёвым).

Поль Лакруа цитирует слова Николая I (нигде более не подтверждённые): «Ах, бедняга Одоевский, вы не получили такой возможности умереть со славой, как вы этого хотели. Как вы могли забыть, что происходите от крови Рюриковичей? Я хотел бы также забыть это».

По приказу царя Одоевский был отправлен в Алексеевский рavelин, к-рый был «тюрьмой в тюрьме». При этом царь послал записку коменданту Петроп. крепости Сухиену, датированную 17 декабря. Сухин пометил: «Получено два $\frac{1}{2}$ часа пополудни». Одоевского посадили в камеру № 16 («офицерскую»); соседями его были с одной стороны Рылеев, с другой — Николай Бестужев.

Восстание 14 декабря (по Ю. Тынянову, «Кюхля»)

Петровская площадь (позже Сенатская).

Исаакиевская площадь.

Адмиралтейская площадь (где теперь деревья Александровского сада).

Разводная (позже Дворцовая).

Вокруг Адмиралтейства, вдоль Адм. площади, вдоль Петровской и Разводной площадей, тянулся широкий бульвар. На месте будущего Конногвардейского бульвара был тогда Адмиралтейский канал, а через него мост.

Исаакиевский собор строили и строили. Екатерина II начала его одновременно с Мраморным дворцом и тоже из мрамора. Когда церковь возвели до середины, она не понравилась Екатерине, и та приказала её «так оставить».

Павел I, взойдя на престол, немедленно приказал закончить собор кирпичом. Тотчас родилась эпитафия:

Сей храм — двум царствам столь приличный,
Основа — мрамор, верх — кирпичный.

Александр I это здание не понравилось. Он велел его сломать и строить заново. Материал, привозимый для стройки, лежал на набережной Петровской площади, а сама стройка загромоздила всю Исаакиевскую. Щебень, плитняк, мрамор, доски лежали далеко за лесами. Появились новые стихи:

Сей храм трех царств изображенье:

Гранит, кирпич и разрушенье.

«Восстание 14 декабря было войной площадей».

По каналам улиц тѣк на Адмиралтейскую и Исаакиевскую площади народ, по ним же шли полки, сначала восставшие, а затем правительственные.

С Разводной (Дворцовой) ездил на Адмиралтейскую и доезжал до львов Лобановского дома Николай.

Разводная и Исаакиевская, где стояли правительственные полки, молча давили Адмиралтейскую, где волновался народ, и Петровскую, где были революционеры. Они заперли Петровскую с трёх сторон и скинули революционеров в реку, а часть втокнули в ворота узкой Галерной улицы». (Тынянов).

Утром начали присягать, и посыпались отказа в присяге. Московцы убили генерала Шеншина и ещё двоих — батальонного и полкового командира. Там действовал князь Щепин-Ростовский. Московский полк первым пришёл на площадь, толпой стоял у Сената.

Убили генерала Фридрикса.

Вышел на площадь Гвардейский Экипаж. Он построился в каре между моряками и москвичами — небольшой проулок: это Сенатские ворота, вход на Галерную улицу. Московцы тоже построились в каре — сами, никто ими не командовал. Кругом масса народа — даже между колонн Сената и на крышах соседних домов.

Пушин у памятника Петру: «Уговорщиков и шпионов стрелять!»

1-ая атака. Конная гвардия получила приказ: врезаться и изрубить на месте. Конногвардейцев повел эскадронном генерал Орлов.

Не подкованные на острые шипы, лошади скользили по обледенелой мостовой и падали. Московцы падали в атакующих, из толпы в конную гвардию летели камни и поленья. У конногвардейцев палаши не были отпущены. Дивизионный командир схватился рукой за грудь — ранен — конногвардейцы поворачивают лошадей, бегут.

Александр Одоевский: «Братцы, в людей не стрелять, цельте в лошадей!» — **Настроение первой победы.** Начинает стояние.

Николай без свиты, в одном мундире, с лентой через плечо, не замечая холода, выбежал из дворца. Толпа шумела и на разводной, но это была лишь малая часть огромного моря Адмир., Исаак. и Разводной площадей. Бенкендорф подал царю манифест, и Николай стал читать. Манифест был длинен, царь читал тихо, монотонно, его никто не слушал. Толпа смотрела на него равнодушно. Прошло с четверть часа.

Бенкендорф: «Ваше величество, прикажите разойтись».

Николай негромко сказал: «Разойдитесь».

Толпа и не подумала разойтись.

В это время по Большой Миллионной подошёл батальон преображенцев и выстроился у дворца. «Здорово, молодцы!» — сказал Николай.

— Здравия желаем, ваше величество! — ответили преображенцы (не все).

Николай приказал командиру:

— **Левым плечом вперед.**

Подбежал Милорадович — избитый, в синяках, с наполовину оторванным воротом шинели. Он завтракал у своей Телешовой, красавицы-балерины, когда ему доложили о восстании. Милорадович поскакал на Петровскую площадь и грозно закричал: «По домам!» Его стащили с лошади, избили, а двое солдат проволокли Генерала за ворот до угла Главного штаба и там бросили. Увидев Николая, генерал-губернатор подбежал к нему. Он скинул перед царём изорванную шинель и остался в одном мундире, с синей лентой через плечо.

— Нужно сейчас же стрелять! — крикну крикнул он Николаю.

Поглядел на свой скособоченный мундир, торопливо застегнулся:

— Посмотрите, ваше величество, в какое состояние они меня привели.

Николай смотрел со злобным презрением: вот кто хотел лишить его престола и в неопределённые дни интеррегнума заставил всех присягнуть Константину. Царь сказал:

— Вы, как генерал-губернатор столицы, за всё мне сполна ответите. Идите на площадь.

— Милорадович отдал честь и, пошатываясь, пошёл.

Преображенцы двинулись, тесня медленно расступающуюся толпу. Обогнули угол Главного штаба. У самого угла царь заметил странного человека в мундире Генерального штаба, к-рый стоял в стороне от толпы, а завидя Николая, круто отвернулся. По сутулой спине царь узнал его: «Полковник Трубецкой... странно».

Встречный адъютант, увидя царя пешком, соскочил с седла и подвёл ему лошадь. Николай сел в седло.

Миновав Гороховую, он остановил роту преображенцев на углу у крыльца Лобановского дома, у львов. Прямо — по диагонали через улицу и площадь — стояли москвичи. Кругом кишела непочтительная толпа. — На лесах Исаакиевской церкви чернь отдирала драпировки от лесов; тащили камень.

Впереди на площади, крики: «Ура! Константин!» Оттуда стреляют.

К Николаю подходит очень высокий офицер в форме Нижегородского драгунского полка, с чёрными волосами и чёрной повязкой на лбу. Руку он держит за бортом форменного сюртука.

— Я был с ними, — говорит офицер, — но, услышав, что они за Константина, бросил их явился к вам.

— Спасибо, вы ваш долг знаете.

— Государь, предлагаю вести переговоры с Московским полком.

И Якубович снова закладывает руку за борт сюртука.

— Буду благодарен, — отвечает царю, — пора, действительно, прекратить недоразумение.

Рука за бортом сюртука дрожит. Николай, замечая это, слегка осаживает лошадь. Якубович круто поворачивается и исчезает.

К ногам лошади царя падает кирпич, брошенный с исаакиевских лесов: Лошадь встает на дыбы.

Царь пригибается и скачет к Адмиралтейской площади. Его догоняет адъютант:

— Ваше величество, генерал Милорадович убит. Генерала Воинова чернь избивала поленьями.

Николай поворачивает коня.

Он подзывает Адлерберга и говорит ему тихо:

— Что делать, генерал, с дворцом? Дворец без прикрытия.

— Я приготовил, государь, загородные экипажи и в крайности препровожу их величество под прикрытием кавалергардов в Царское Село.

С площади опять доносится пальба. К царю подъезжает Толь, этим утром прибывший из Неннааля. Он крепко сидит в седле:

— Государь, **вторая кавалерийская атака отбита. Я послал за артиллерией.**

Николай молчит. Толь, выждав, говорит:

— Государь, дозволейте распорядиться артиллерией.

Николай машинально кивает. Адлерберг подсказывает ему на ухо:

— Ваше величество, идите с ротою ко дворцу.

Николай послушно командует. У Главного штаба он слышит необычайный шум с Разводной площади; тревожно приподымается в стременах, смотрит — к самому дворцу от Миллионной бежит густая толпа лейб-гренадеров с ружьями наперевес. Впереди всех — молодой офицер с обнаженной шпагой. Вот они уже во дворе Зимнего. Но через неск-ко минут толпа лейб-гренадеров опять показывается в воротах. Они приближаются, впереди тот же маленький кривоногий офицер со шпагой. Николай видит их лица, расстегнутые мундиры и ничего не понимает: куда они? Гренадёры поравнялись с царём.

— Здорово!

Молчание.

— Стой!

— Молчание.

Проходят мимо него, не отдавая чести.

— Куда вы, поручик?

— Мы к москвцам.

Николай говорит в растерянности:

Тогда вам на Петровскую площадь.

— Мы туда и идём.

Николай величественно командует мрачным преображенцам:

— Пропустить.

И четыре восставшие роты лейб-гренадеров проходят на Петровскую площадь, задевая за шпоры сидящего на коне Николая.

Медленно стягиваются войска Николая, исподволь запирая Петровскую площадь. Прошла конная гвардия — из тех казарм, что на Адмиралтейской площади. Великий князь Михаил Павлович привёл остальные три роты москвичей, и их построили против Адмиралтейства.

Подходят семёновцы, и Михаила высылают к ним навстречу. Их ставят по левую сторону Исаакиевской церкви, прямо против Гвардейского экипажа, на кучи мраморного щебня. Второй батальон преображенцев и 3 роты первого батальона соединяются на правом фланге с конными лейб-гвардейцами и стоят лицом к Сенату.

Павловский полк занимает Галерную улицу.

А москвичи стреляют, и плотным чёрным каре стоит Гвардейский экипаж. Лейб-гранадеры у бунтовщиков на правом фланге. Боя нет. Колеблются чаши весов. **И Рылеев уходит с площади, опустив голову.**

Николай посылает митрополита уговаривать бунтовщиков. К Гвардейскому экипажу подъезжают сани: в них дряхлый митрополит с каким-то бледным попом. Неск-ко молодых унтер-офицеров окружают сани. Митрополит говорит дребезжащим голосом:

— Его высочество Константин Павлович жив, слава богу.

— Тогда подавайте его нам сюда!

— Подавайте сюда Константина! — кричат солдаты.

Словно не слыша, митрополит повторяет:

— Его высочество жив, слава богу!

Поп, стоящий рядом с митрополитом, сладко начинает:

— Братья любезные, вспомните завет господина нашего.

Один из мятежных офицеров кричит митрополиту:

— Батюшка, убирайтесь, здесь вам не место.

Митрополит дрожит, его усаживают в сани. вслед кричат:

— Пришлите для переговоров Михаила. Стрелять не будем.

И тут же выстрелы над головами. Извозчик гонит сани прочь.

Царь чувствует по пению пуль, что москвичи знают, где он стоит. Он переезжает к семёновцам. Михаил в приливе военного самодовольства поворачивается к царю:

— Разрешите, я с ними сам переговорю. Мне передавали, что офицеры Экипажа хотят со мной переговорить.

— Сколько уже парламентёров посылали, — отвечает царь. — Митрополит, и тот не помог.

— Да, но мне через митрополита передавали, — возражает Михаил.

[Как в детстве, братья состязаются друг с другом].

— Делай, как знаешь, — отвечает Николай.

Михаил в сопровождении одного свитского генерала подъезжает к Гвардейскому экипажу; передние ряды притихли, солдаты смотрят исподлобья. Михаил любезно спрашивает одного из офицеров-мятежников:

— Можно мне говорить с войском?

Тот пожимает плечами.

— Вот что, братцы, — громко говорит Михаил, — брат Константин отрёкся от престола. Вам теперь нет никакой причины отказываться от присяги Николаю Павловичу.

Он прикладывает руку к сердцу:

— Умоляю вас возвратиться в казармы.

— Подавайте его сюда, Константина! — кричит какой-то матрос.

— Подавайте его сюда! — кричат в рядах.

В толпе стоит худой и длинный человек в круглой шляпе и в новой темнооливковой шинели с бобровым воротником и щегольской серебряной застёжкой. Он расстёгивает шинель и роняет на снег, оставаясь в черном фраке. Это поэт Кюхельбекер. В руках у него пистолет. Рядом с ним — плотный, русский человек в бекеше (Иван Пущин).

Солдаты кричат, заглушая голос Михаила Павловича:

— Ура конституции!

Пущин говорит Кюхельбекеру:

— Voulez vous faire descendre Michel?

Великий князь видит дуло пистолета. А там — тихие слова:

— Я близорук. Который Мишель?

— С чёрным султаном, — отвечает Александр Бестужев.

Кюхельбекер целится во всаднике с чёрным султаном и спускает курок — вместо выстрела раздаётся щёлканье — пистолет, раннее оброненный поэтом в снег, дал осечку. . . Михаил Павлович и его спутник скачут прочь.

Появляется избитый раннее генерал Воинов — он снова явился поговорить с Экипажем: теперь это белый султан. Кюхельбекер выходит из рядов, целится в Воинова, дважды стреляет — и два раза осекается. Воинов скачет прочь.

Вдруг появляется Якубович с высоко поднятой шпагой, к к-рой привязан носовой платок. Он краснеет, срывает платок:

— Это маскарад. Я вызвался быть парламентёром.

Потом делает значительное лицо:

— Держитесь! **Вас жестоко боятся.**

И уходит с площади прямыми шагами, держа обнажённую шпагу.

Близятся сумерки.

Войска Николая расступаются на две стороны. Посреди них оказываются зёвы батареи.

Эту батарею (гвардейской артилл. бригады) привёл на площадь генерал Сухозанет. Её поставили поперёк Адмир. площади: правый фланг батареи дулами обращён к Сенату, левый — к Невскому. Два орудия могут палить вдоль проспекта. **Зарядов для пушек нет — их не взяли.**

Адьютант помчался хоть за несколькими зарядами в лабораторию. Сухозанет командует:

— Батарей! Орудия заряжай, с зарядом — жай!

Он **ПУГАЕТ** толпу. Но толпа стоит неподвижно и смеётся. Сухозанет, к-рому отчаянно хочется выслужиться (многие его обогнали в этот день), догоняет бесцельно разъезжающего Николая. Может, царь не знает, что зарядов нет. . . Генерал говорит:

— Ваше **высочество**, прикажите пушкам очистить Петровскую площадь. Николай смотрит на Сухозанета страшным взглядом и молча отъезжает. Генерал хватается за голову: он забылся и назвал царя «высочеством». Сухозанет медленно едет за царем, выжидает, ловит его.

Четвёртый час на исходе. Московцы стреляют, плотно стоит Гвардейский экипаж, а на правом фланге у бунтовщиков лейб-гренадеры. **Четыре кавалерийские атаки** с уроном отбиты бунтовщиками. Чернь одиночками, кучками, толпами перебегает на Петр. площадь.

Николай знает, что в Финляндском полку волнения. Он остановился на мосту, на Васильевском острове. К Николаеву подъезжает Толь:

— Государь, я думаю положить конец этому беспорядку, пустив в ход пушки.

— Царь хмуро кивает. Слыша это, опять подъезжает Сухозанет и, понизив голос, наклоняется к Николаю:

— Государь, сумерки близки, силы бунтовщиков увеличиваются, темнота в этом положении опасна.

Николай молчит. Затем:

— А вы в своей артиллерии уверены? Попробуйте ещё раз переговорить.

Действит-но, зарядов подвезли очень мало. Сухозанет едет к фронту московцев и кричит:

— Ребята, положит ружья, буду стрелять картечью.

Свист и хохот летят ему в лицо. Александр Бестужев кричит:

— Сухозанет, ты б кого-нибудь почище прислал!

В генерала целится молодой гвардеец, но сзади кричат:

— Не тронь этого холуя, он не стоит пули!

— **Ура Константин!**

— **Ура, конституция!**

Сухозанет, багровый от гнева, поворачивает коня. Вдогонку свист, улюлюканье. На скаку он выдёргивает из своей шляпы султан и машем в воздухе. **Это сигнал к первому залпу.**

Первый залп холостой.

Мятежники стоят, толпа гуще сжимается вокруг войск.

Толь отдаёт Сухозанету приказ: стрельба орудиями по порядку.

Первый выстрел.

Визгливо поёт летящая картечь и с грохотом рассыпается: одни пули бьют в мостовую и поднимают рикошетами снежный прах, другие попадают в людей, облепивших колонны

Сената и крыши соседних домов, третьи — косят фронт. **Крики, стоны.** Голос Оболенского: **«Пли!»** Мятежные войска отвечают ружейным огнём.

Второй выстрел. Звонят разбитые оконницы Сената, пули уходят в камень, сыплется штукатурка. Люди падают кучками [пальба в упор — ещё вернее, чем Бонапарт 13 вандемьера]. Но войска стоят и стреляют в ответ. Но стрельба уже прерывистая. . .

Третий выстрел. Отвечают отдельные ружья — груды трупов на мостовой.

Четвёртый выстрел. Ружья смолкают.

Заметались матросы. Мятежники бросают ружья. Бегут мимо манежа, топчя убитых и раненых. Прячутся, разбегаются по дворам. Офицеры снимают султаны со своих шляп.

Офицеры Гвардейского экипажа подходит один за другим к командиру и сдаются ему.

Наступает морозный вечер 14 декабря 1825 года.

«На площади — огни, дым, оклики часовых, пушки, обращённые жерлами во все стороны, кордонные цепи, патрули, ряды казацких копий, тусклый блеск обнажённых кавалергардский палашей, красный треск горящих дров, у которых греются солдаты, оружие, сложенное в пирамиды.

Ночь.

Простреленные стены, выбитые рамы во всей Галерной улице, шопот и тихая возня в первых этажах окрестных домов, приклады, бьющие по телу, тихий, проглоченный стон арестуемых.

Ночь.

Забрызганные веерообразно кровью стены Сената, трупы. Кучи, одиночки, чёрные и окровавленные. Вozy, покрытые рогожами, с к-рых каплет кровь. На Неве — от Исаакиевского моста до Академии художеств — тихая возня: в узкие проруби спускают трупы. Слышны иногда среди трупов стоны — вместе с трупами толкают в узкие проруби раненых. Тихая война и шарканье; полицейский раздевает мертвецов и раненых, срывает с них перстни, шарят в карманах.

Мертвецы и раненые прирастут ко льду. Зимой будут рубить здесь лёд, и в прозрачных, синеватых льдинах будут находить человеческие головы, руки и ноги.

Так до весны.

Весной лед уйдёт к морю.

И вода унесёт мертвецов в море».

(Гынянов)¹.

Семён Николаевич Корсаков, чиновник статистического отделения министерства юстиции, составил список всех погибших 14 декабря 1825 на Петровской площади в СПб.

генералов 1

штаб-офицеров 1

обер-офицеров разных полков — 17

нижних чинов лейб-гвардии Московского — 93

¹Здесь в рукопись на отдельном листе вставлен список погибших.

Гренадерского — 69
Экипажа Гвардии — 103
Конного — 17
во фраках и шинелях — 39
Женска пола — 9
малолетних — 19
черни — 903

Итого 1271 человек

На площади стояла огромная толпа, раз «черни» убито в три раза больше, чем военных¹. Изрытую картечью и залитую кровью Петровскую площадь в тот же вечер замывали, посыпали снегом и укатывали.

Санктпетербургский полицмейстер Шульгин, человек огромного роста, с пышными бакенбардами, уже разъезжал по городу с квартальными, жандармами, драгунами, собирая адреса бунтовщиков и производя первые аресты.

Вечером Фаддей Булгарин приехал к Синему мосту, в дом Российско-Американской компании. Бледный слуга открыл ему дверь. Булгарин вошёл в столовую, служившую недавно штабом заговора. За столом сидели Рылеев, Штейнгель, ещё человека три. Они пили чай, курили сигары, негромко разговаривали. Булгарина хотел присесть к знакомому столу.

Рылеев лениво встал, взял его за руку повыше локтя. — Тебе, Фаддей, делать здесь нечего. Ты будешь цел.

Вывел его из комнаты и закрыл дверь.

Описание Юрия Тынянова **прекрасно**, но, естественно, окрашено презрением и ненавистью к Николаю. *Auditum et altera pars!* Предоставим слово европейцам, Лависсу и Рамбо (с мелкими дополнениями).

24 (12) декабря 1825 года Николай получил от командующего Южной армии Дибича подробнейшие сведения об организации тайных обществ, о проектах революции и царевубийства. В тот же день он получил письмо Константина с новым отречением. Константин к тому же отказался покинуть Варшаву.

Николай тут же поручил Сперанскому составить манифест о восшествии на престол. Манифест содержал требование принесения новой присяги, назначенной на послезавтра на понедельник 26 (14) декабря.

Николай писал Волконскому: «Послезавтра я буду императором всероссийским, или же я буду мёртв». [Он знал о заговоре.]

25 (13) декабря на заседании государственного совета он зачитал манифест. 26 (14) декабря в 8:00 утра Николай направился в приёмный зал Зимнего дворца, где был собран

¹Окончание вставки. Далее продолжается главка «Восстание 14 декабря».

генералитет и высшие гражданские чины. Николай изложил факты, прочёл манифест и сказал: «Если мне суждено быть императором хотя бы только на один час, я сумею доказать, что достоин им быть».

Принесение присяги началось как в собрании высших госуд. учреждений, так и в церк-вах. Император в Зимнем ожидал донесений о том, что происходит в казармах. В большинстве гвардейских полков присяга была принесена без значительных инцидентов. Но в Московском полку офицеры-заговорщики удержали солдат от присяги, уверяя их, что настоящий император Константин заключён в тюрьму, как и великий князь Михаил. Они увлекли за собой половину полка с заряженными ружьями, с развернутыми знаменами, зарубили бригадного генерала **[были тяжело ранены генералы Фредекрикс и Шеншин, легко ранен полковник Хвоцинский]** и заняли позицию на Сенатской площади, около памятника Петра Великого.

К ним присоединились отдельные военные и кое-кто из народа. Толпа кричала: «Да здравствует Константин!» В этот момент у Николая под рукой была лишь рота Финляндского полка, пришедшая на смену караула во дворце, и знамя этого полка первым склонилась перед новым императором. Подходы к дворцу были заняты многочисленной, но мирной толпой, из которой раздавались отдельные выкрики: «Да здравствует Константин!» Толпа стояла, обнажив головы. Николай I приблизился к этой толпе, импонируя ей своим огромным ростом и стальным взглядом голубых глаз, и прочёл манифест, вызвав этим бурю приветственных криков. Затем он обнял стоявших вблизи и предложил всем разойтись по домам.

Вскоре прибыл 1-й батальон преображенского, затем Милорадовичу со многими генералами и офицерами. Милорадович, раскаиваясь в том, что он почти не принял предосторожностей, направился к восставшему Московскому полку, стоявшему спиной к Сенату и окруженному кордоном стрелков.

Он велел подать себе лошадь, пробился сквозь толпу и кордон стрелков, остановился в 10 шагах от полка и обратился к нему с речью. Внезапно раздался выстрел, и Милорадович упал на руки одного из своих адъютантов. Отставной поручик Каховский убил его выстрелом из пистолета.

Николай, очень взволнованный этим известием, сказал:

— Ясно, что будут стрелять и в меня.

Тем не менее, он во главе роты преображенцев приблизился к мятежникам. Встретив на пути конную гвардию, он велел ей построиться на Сенатской площади.

В этот момент подоспели, чтобы присоединиться к мятежникам, флотские экипажи, увлечённые морскими лейтенантами Арбузовым и Николаем Бестужевым. Неск-ко офицеров, пытавшихся войти в переговоры с мятежниками, были обстреляны. Император тоже приблизился; его встретили криками «Да здравствует Константин! Да здравствует конституция!» — и ружейными выстрелами.

— Несчастные! — воскликнул он. — Они хотят, чтобы пролилась кровь!

Великий князь Михаил, командир Московского полка, бросился в казармы своего полка, где оставалась еще половина солдат, не решившийся присоединиться к мятежникам, но продолжавших верить в басню о заточении Константина и Михаила. Достаточно было солдатам увидеть Михаила, чтобы принести присягу. Михаил привёл их на Сенатскую площадь, намереваясь восстановить честь полка и отнять у мятежников полковое знамя. Вскоре к императору подошли новые силы: гвардейские сапёры, кавалергарды, остатки Преображенского, Финляндского, Семёновского и Павловского полков и, наконец, пешая гвардейская артиллерия под командой генерала Сухозанета.

Стало известно о присоединении к мятежникам двух батальонов гвардейских grenадер. Они были увлечены своими офицерами и явились со знаменем. Одному из этих батальонов под предводительством поручика Панова удалось проникнуть во двор Зимнего дворца, где солдаты кричали: «Мы за Константина!»

— В таком случае вот ваша дорога, — холодно сказал им Николай.

Полковник Стюрлер, командир гвардейских grenадер, гнавшийся за своими солдатами, был смертельно ранен выстрелом из пистолета, произведённым опять-таки Каховским.

Отпадение др-х воинских частей было приостановлено офицерами, верными Николаю. На Сенатской площади собрались: часть Моск. полка и гвардейских grenадер с двумя знамёнами, флотские экипажи, множество одиночек и гражданских заговорщиков — всего от 3 до 4 тысяч, голодных, полумёрзших, переступавших с ноги на ногу, без начальника, к-рый ими командовал бы, и уже деморализованных бездействием.

Великий князь Михаил сделал было попытку поговорить с моряками, и был момент, когда Кюхеотбекер прицелился в него из пистолета; а затем пытались заговорить с солдатами два митрополита — петербургский мит-ит Серафим и киевский Евгений, но голоса их были заглушены барабанной дробью. Наконец, сделал попытку император, но был опять встречен выстрелами.

На Адмиралтействе пробило 3 часа. Вопреки советам свиты Николай высказывал явное нежелание открывать огонь. Сухозанет, который не мог добиться от императора этого приказа, попытался тоже заговорить с мятежниками. «Принес ли ты нам конституцию?» — было их ответом, и пуля срезала плюмаж его шляпы. Тогда раздались четыре пушечных выстрела. Мятежники обратились в беспорядочное бегство. Они бежали по улицам, по набережной, по замёрзшей Неве. Три других пушечных выстрела и несколько кавалерийских атак (???) очистили Сенатскую площадь. Николай вернулся в свой дворец победителем. Число убитых не достигало 300 человек.

[Гораздо больше: но полиции было велено скорее убрать трупы, и множество убитых и РАНЕННЫХ было сброшено в проруби и полыньи Невы.]

Этот военный мятеж без вождя явился провалом восьмилетнего заговора. Со стороны власти — та же растерянность. В самом начале Николай, имевший в своём распоряжении одну-единственную роту, был весь во власти мятежных солдат и толпы. И если он остал-

ся в этот день победителем, то этим был обязан своему личному хладнокровию и своей императорская осанке». (Лависс и Рамбо).

[Ошибка и неточностей много, на тон правдивее.]

Победитель и Палач

Ночью с 14 по 15 декабря у всех выходов из Зимнего стояли пикеты, солдаты грелись у костров, пушки были обращены жерлами к улицам. . .

Утром 15 декабря священник Виноградов побывал на Петровской площади. Не решаясь написать о виденном по-русски, он записал по латыни: «Sanguinis multa signa» («многочисленные следы крови»). Дворники засыпали кровь свежим снегом. По приказу Николая спешно штукатурили изрешечённую стену Сената.

Уже вечером 14 декабря начались аресты. Первым, видимо, был арестован Щепин-Ростовский, которого привезли в Зимний со связанными руками. Около полуночи был арестован Рылеев.

Сначала допросы проводились в Эрмитаже, в огромной зале, в углу которой стоял раскрытый ломберный стол, а на стенах висели «Святое семейства» Доминикино и «Блудный сын» Сальватора Розы. Первые показания снимал дежурный генерал (иногда Потапов, чаще Левашов). **Почти всех** допросил сам император. Перед узниками он выступал то ласковым, то грозным, старался нащупать у каждого его слабое место. При сопротивлении срывался в ярость: **«Заковать его так, чтоб он пошевелиться не мог!»**

Железа, в которые заковывали декабристов, весели около 22 фунтов. Князь Трубецкой, «диктатор», топтавшийся 14 декабря где-то возле угла Главного штаба, скрывался у своей тётки графини де Лаваль или у своего свояка графа Лебцельтрона, австрийского посла. Трубецкой и граф были женаты на родных сестрах. «Диктатор» вместе с женой отправился ночевать графу Лебцельтрону, в дом графа Гурьева у Аничкова моста. Здесь он и был арестован в ночь с 14 на 15 декабря и отвезён прямо в Зимний. Император вышел к нему и, указывая пальцем на его лоб, воскликнул:

— Что было в этой голове, когда вы, с вашим именем, с вашей фамилией, вошли в такое дела? Гвардии полковник! князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть с такой дрянью? Ваша очередь будет ужасная!

[Согласно рассказу Греча, князь Трубецкой бросился на колени и завопил: «La vie, Sire! Николай ответил с презрением: «Даю тебе жизнь, чтобы она служила тебе стыдом и наказанием».] Прочтя написанную в Петропавловской крепости покаянную исповедь князя, который сваливал всю вину на Рылеева, Николай снова вызвал Трубецкого и сказал:

— Вы знаете, что я мог бы сейчас же приказать вас расстрелять?

Но затем государь чуть успокоился и велел Трубецкому написать семье записку: «Я буду жив и здоров». Неудачный диктатор обезоружил Николая своим смирением, своими молитвами и полной своих признаний. Все историки отмечают **презрение царя к Трубецкому**.

При виде Каховского царь не сдержал своей ярости:

— Презренный, покрытый кровью нашего самого прославленного генерала!

Когда, в присутствии императора, генерал-адъютант Левашов допрашивал Якушкина, он сказал:

— Нам известно, что на совещании ваших товарищей на вас пал жребий убить. . .

Якушкин перебил:

— Ваше превосходительство, это не совсем справедливо. Я вызвался сам нанести удар императору и не хотел уступить этой части никому из товарищей. . .

Когда Николая Бестужева, старшего из пяти братьев, привели к императору, Николай I сказал:

— Вы блины, вы дрожите.

— Ваше величество, я двое суток не спал и ничего не ел.

— Дать ему обедать! — приказал император.

Николая Бестужева определили в одну маленькую комнату Эрмитажа (там помещался государь по случаю переделки комнат Зимнего дворца), посадили на диван за стол и подали обед.

— Я не пью красного вина, — сказал он официанту, — подайте белого.

Он спокойно пообедал, приклонился к подушке дивана и крепко заснул. Проснувшись часа через два, он встал:

— Теперь я готов отвечать.

Его провели в прежнюю залу. Там он поклонился своему короткому знакомому Василию Алексеевичу Перовскому и, увидев нового флигель-адъютанта Алексея Петровича Лазарева, сказал ему:

— Ну, Алёшка! Теперь перестанешь шалить.

Его ввели в кабинете царя. Он не только смело и решительно отвечал на все вопросы, но и сам «начинал говорить»: он изобразил государю положение России, исчислил неисполненные обещания, несбывшиеся надежды и объяснил причины заговора. Николай слушал его внимательно. Будучи уверенным в неминуемой смерти и **приняв её**, Бестужев-старший уже ничего не боялся и держался с великолепным достоинством.

Это понравилось Николаю. Он сказал:

— Вы знаете, что всё в моих руках. Я мог бы простить вас, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в вас верного слугу, то готов простить. . .

— Ваше величество! В том-то и несчастье, что вы всё можете сделать, что вы выше закона. Желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности. . . ваших капризов или минутных настроений. . .

[Этот ответ ошибочно приписывают иногда Александру Бестужеву.]

Рылеев, скромный, но не опустивший глаз перед Николаем, заинтересовал его.

— Какой интерес побудил вас к действию? — спросил царь.

— Интерес моей страны.

— Что было вашей целью?

— Конституции, либеральное правление, общественные свободы.

Император сумел очаровать и обмануть Рылеева, притворился вдумчивым собеседником, попросил объяснений. Отправленный после первого допроса в Алексеевский рavelин, Рылеев написал подробнейшие показания. Он ничего не скрывал и называл все имена. В показаниях следственной комиссии он заявил, что считает свои взгляды полезными для счастья России.

В рavelине он просидел полгода и пережил душевную трагедию. Им овладели религиозно-мистические настроения, он каялся и признавался. Императору удалось получить от него исчерпывающие показания, после чего он сказал Рылееву, что прощает его. Рылеев был уверен, что его раскаяние понято и оценено по достоинству. . .

В течение неск-ких дней после восстания царь по 6–7 часов в день допрашивал заключённых. Была создана большая Следственная комиссия, царь пожелал лично руководить ею.

Трубецкой старался умалить свою роль. Якубович и Каховский отрицали приписываемые им проекты царевубийства. Булатов покончил с собой в тюрьме.

За 5 месяцев Следственная комиссия допросила 240 заключённых 3000 свидетелей. Обвинение было выдвинуто против 121 человека. В их числе было 7 князей, 3 графа, 3 барона, 2 генерала, 23 полковник или подполковника. 30 мая (ст. ст.) 1826 года Следственная комиссия во главе с царём-сыщиком закончила свою работу.

Подготовка суда над декабристами была возложена на Сперанского. Он прежде всего нашёл юридический прецедент для предстоящего процесса и разработал обряд судопроизводства: по предложению Сперанского образцом был избран суд над Емельяном Пугачёвым.

Как доказали позже Герцен и Огарёв, это был «солганный вид законности»: декабристов судили по несуществовавшим законам и для придания процессу видимости права провели эти законы уже после суда и казни.

Верховный Суд был образован из 80 человек: от Государственного совета, Сената, сятейшего Синода. Подсудимых допрашивали неск-ко недель. Верховный Суд ревностно старался заслужить одобрение Николая I и блистал свирепостью.

Все обвиняемые (121) были признаны виновными. Верховный суд приступил к выбору способа казни: 63 голоса были подано за четвертование, два голоса — за казнь «постыдной смертью» (повешение). Член суда Сумароков написал: «Всех четвертовать и в вине поступить по примеру Пугачёва».

На такую массовую казнь Николай не решился. Осуждённые были разбиты на разряды.

Вне разрядов остались Рылеев, Пестель, Каховский, Сергей Муравьёв-Апостол и Бестужев-Рюмин, по-прежнему приговорённые к четвертованию «по тяжести их злодеяния».

По первому разряду 31 человек были приговорены к смерти через отсечение головы.

По второму 17 человек были приговорены к гражданской смерти и пожизненным каторжным работам. [Обряд состоял в том, что осуждённого клали на плаху, подходил палач с топором, но в эту минуту объявляли о замене смертной казни каторгой.]

Третий разряд — вечная ссылка и каторга.

Четвёртый — 15 лет каторги.

Прочие разряды — до девятого включительно разные сроки каторги, ссылки, поселения.

Десятый и одиннадцатый разряды — лишение чинов и дворянства и пожизненная солдатская служба.

Итого 121 осуждённых Верховным Судом. Неск-ко сот солдат, участников дела 14 декабря, получили по 12.000 штицрутенгов, т. е. были забиты насмерть.

После восстания «Русский инвалид» опубликовал «Подробное описание происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», а также список восемнадцати «явно изобличённых заговорщиков». Затем постепенно в газетах появлялись новые имена арестованных.

10 июля 1826 начальник Главного штаба барон Дибич направил председателю Верховного уголовного суда¹ письмо, в к-ром от имени государя выражал несогласие на четвертование, расстрел или отсечение головы. Это означало **виселицу**.

Пятерым «вне разрядов» государь заменил четвертование виселицей. Все другие осуждённые на смерть были помилованы. Почти все приговоры, кроме смертных, по конфирмации были снижены на одну или две категории.

Приговор был напечатан в виде «Прибавления» в газете Булгарина и Греча «Северная пчела» — огромный лист великолепной серо-голубой бумаги; печать тоже очень хорошая.

13 июля 1826 состоялась «конфирмация» — т. е. оглашение последнего утверждённого государем приговора с немедленным исполнением.

Весь ритуал заранее продуман Николаем I. Он назначил и место казни — кронверк Петропавловской крепости. В канун казни, как об этом поведал в своих записках Денис Давыдов, государь весь вечер изыскивал способы, как придать этой картине наиболее мрачный характер. В эту ночь (с 12 на 13 июля) последовало высочайшее повеление: барабанщикам бить во всё время бой, какой употребляется при наказании солдат сквозь строй.

Это повеление поразило Льва Толстого, к-рый прочёл его, когда задумал роман о декабристах: «Для меня это ключ, отперший не столько историческую, сколько психологическую дверь».

В утро конфирмации узники Петропавловской крепости слышали скрежет замков, грохот дверей, бряцание желез и протяжный голос Рылеева: «Простите, простите, братцы!»

Затем выводят всех осуждённых, строят в каре на кронверке у подножия пяти виселиц. На глазах товарищей, под мелкую барабанную дробь, пятерых смертников ведут к виселицам. Руки у них скручены на спине ремнями и ноги спутаны ремнями, они делают маленькие шаги.

Их подвели к петлям, палач и накинул им на шеи верёвки и выбил из под ног доски, прикрывавшие глубокую яму. И тут начались «лютые подробности» этой казни (выражение Вяземского в его письме к жене). О них нет согласия.

¹Князю Петру Васильевичу Лопухину, отцу знаменитой фаворитки Павла I.

Сразу повешены были двое — Пестель и Каховский. У трёх остальных верёвка соскользнула на капюшоны, закрывавшие им головы, они сорвались, и Бестужев-Рюмин при этом сломал обе ноги. У них на глазах начались повторные приготовления казни. При этом Рылееву приписывают разные слова. Французы пишут: «Итак, будут говорить, что ничто мне не удалось, даже смерть». Но русские вкладывают в уста Рылеева другие слова: «Я счастлив дважды умереть за Россию». То и другое — апокрифы. Муравьёв-Апостол якобы сказал: «Проклятая страна, где не умеют ни составлять заговоры, ни судить, ни вешать». Это тоже офранцузенная версия. **Наиболее достоверными русские историки считают слова Апостола: «Несчастливая страна — и повесит толком не умеют!»**

Есть совсем иная версия: что лопнули гнилые верёвки и сорвались с виселицы Рылеев, Муравьёв-Апостол и Каховский. Обливаясь кровью, Рылеев встал на ноги и сказал главному распорядителю казни Павлу Кутузову:

— Вы, генерал, вероятно, проехали посмотреть, как мы умираем. Обрадуйте вашего государя, что его желание исполняется: вы видите — мы умираем в мучениях. . .

— Вешайте их скорее снова! — закричал Кутузов.

Но запасных верёвок под рукой не оказалось, за ними пришлось далеко посылать, и Рылеев сказал Кутузову (или другому офицеру?):

— **Палач, расплети свои эполеты на верёвки!**

Повторное повешение состоялась через четверть часа.

Затем состоялась гражданская казнь. Бывшие офицеры выглядели чучелами: в арестантских халатах, в форменных шляпах с грязными султанами и в ботфортах на босу ногу. С них срывали мундиры или шляпы, а со статских фраки — бросали в огонь. Поставили на колени и ломали шпагу над головой. . .

Ночь перед казнью декабристов император провел в Царском Селе. Утром фрейлина Россет встретила его около пруда за Кагульским памятником. Он стоял на берегу и кидал в воду платок, а его собака бросалась за платком. Приближался полдень.

В это время в Царское прискакал из Столицы фельдъегерь с донесением, что казнь свершилась. Николай оставил свою собаку, плывущую за платком, и большими шагами поспешил ко дворцу. Его призывала вторая часть программы.

Сначала он направился в часовню и велел отслужить заупокойную службу.

Затем на Петровской площади, на том месте, где был убит Милорадович, отслужили «очистительное молебствие».

19 июля (на шестой день после казни) такое же очистительное молебствие было отслужено в Московском Кремле.

Воспоминание о восстании 14 декабря никогда не покидало Николая. Каждый год он отмечал день 14 декабря, считая его, как писал барон Корф, «днём истинного своего восшествия на престол». В этот день все, принимавшие прямое или косвенное участие в подавлении мятежа, были собираемы ко двору. В церкви Зимнего или Аничкова дворца совершался благодарственный молебен, во время которого после обычного многолетия в честь царству-

ющего дома возглашалась вечная память «графу Михаилу» (Милорадовичу) и «всем в день сей за веру, царя и отечество убиенных». Затем все приглашённые на торжество допускались к руке государя и **целовались с ним, как в светлый праздник**.

В этот же день в Аничковом давался придворный бал. Николай щедро наградил и возвысил всех, кто был при нём 14 декабря 1825 года: «mes amis du quatorze», как он их называл. Алексей Орлов, командир лейб-гвардии конного полка, раненый в первой же атаке на бунтовщиков, уже 25 декабря 1825 года был пожалован графом, стал всемогущим любимцем царя и сделал неслыханную карьеру. — Бенкендорф был поставлен во главе жандармского корпуса и III отделения (тоже любимец государя). Да все они сделали небывалые карьеры!!!

Восстание 14 декабря наложило печать на всё царствование Николая I, который был холодным садистом с острым чувством декоративности и большой внешней учтивостью («рыцарь» — говорили о нём, а Пушкин → «джентльмен»).